

КАРМЕН ЛУНА

Дом
Сад
Магия
Всегда
здесь
♥

ВОЛШЕБНАЯ ФЕРМА ПОПАДАЮЩИХ

или завещание с подвохом

Кармен Луна

**Волшебная ферма, или
завещание с подвохом**

«Автор»

2026

Луна К.

Волшебная ферма, или завещание с подвохом / К. Луна —
«Автор», 2026

Итак в этой истории Алина, с невероятно запутанной руководствующей гос должностью и ипотекой, оказывается в теле сиротки совершенно в другом мире. С ней рядом какая-то девочка, они ободраны, голодны и явно гонимы. Тетка и кузен издеваются над сиротками. Но...внезапно приезжает нотариус и...ОПА! Сиротки наследницы фермы под названием "Злополочный ручей" ну или как-то иначе. Не суть. Так вот эта ферма мало того, что в запустении на нее еще претендует некий Кайден. Он же дракон. Он же типа арендатор. В книге есть: Неунывающая попаданка Куча самых разных детей Куча самых разных существ Ферма с живностью Куча злодеев Обаятельный вредный дракон с тайнами И ослепительный ХЭ Позитив, юмор и много быта.

© Луна К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кармен Луна
Волшебная ферма, или
завещание с подвохом

Волшебная ферма попаданки, или завещание с подвохом
Кармен Луна

Глава 1

Боль.

Нет, не так. БО-О-ОЛЬ! Вселенского, оглушающего, раскалывающего череп масштаба. Будто вчера я не скромно отмечала сдачу проекта по благоустройству парка в нашем отделе администрации, а лично участвовала в чемпионате по расписанию «Трёх топоров» где-нибудь на Уралмаше, а потом уснула на трамвайных путях. Зимой. Голой. И меня переехал не только трамвай, но и вся снегоуборочная техника города Екатеринбурга.

Я застонала, пытаясь отодрать веки друг от друга. Безуспешно. Словно их залили суперклеем «Момент» и прижали прессом. Вторая попытка, с волевым усилием, достойным человека, пытающегося в час пик влезть в автобус на Малышева, принесла плоды. Я разлепила один глаз.

И тут же зажмурила.

Потому что увиденное не согласовывалось с реальностью от слова «совсем». Это была не моя ипотечная однушка в спальнике с видом на новостройки. И не больничная палата № 6, куда я теоретически могла загреметь с отравлением некачественной пищей. И даже не комната в каком-нибудь дешёвом хостеле где-нибудь в Арамиле, куда меня мог занести хмель и нелёгкая.

Потолок. Низкий, грязный, с такой жирной и древней паутиной по углам, что её, кажется, ещё динозавры плели. Я моргнула, фокусируя зрение. Нет, это не динозавры. В центре паутины сидел паук размером с хорошего такого тарантула и равнодушно перебирал лапками. Мило. Очень мило.

А запах... О, господи! Пахло кислой капустой, сыростью, нестиранным бельём и тотальной безнадёгой. Вот именно так пахнет в старых, заброшенных деревенских домах, куда я в детстве боялась заходить. Сладковато-тленный, въевшийся в каждую щель этого убогого места.

Так, Алина, без паники. Включаем мозг. Где твоя хваленая стрессоустойчивость? Мой внутренний голос, обычно саркастичный и уверенный, сейчас звучал, как первокурсник на экзамене по сопромату. Ты — Алина Соколова, тридцать один год, ведущий специалист отдела благоустройства. Вчера была пятница. Мы сдали квартальный отчёт. Начальница, Тамара Игоревна, расщедрилась на три пиццы и самое дешёвое шампанское из «Красного и Белого». Мы выпили. Я вызвала «Яндекс.Такси». Помню, как села в машину. И... всё. Дальше — чёрная дыра.

Может, таксист оказался маньяком? Похитил меня? Зачем? Моя ипотека в «Сбере» и кот по кличке Бегемот — вот и всё моё богатство. Кота он вряд ли сможет перепродать, а с ипотекой даже связываться не станет.

Я заставила себя снова открыть оба глаза и сесть. И тут же замерла от нового приступа ужаса, который ледяными иглами впился в мой мозг.

Я была укрыта колючей, вонючей тряпкой, а не моим любимым одеялом из Икеи. Тряпка эта лежала поверх тюфяка, набитого... кажется, соломой. Да, именно соломой, потому что она колола меня сквозь тонкую ткань чего-то, что было на мне надето. Я откинула «одеяло» и посмотрела на это «что-то». Ночная рубаха. Длинная, бесформенная, из неотбеленного, грубого льна, который на ощупь напоминал наждачку.

Паника начала затапливать сознание. Я ощупала тюфяк, кровать. Грубо сколоченные доски. Никакого намёка на пружины или ортопедическое основание. Комната. Каменные стены, с которых ключьями свисала штукатурка. Дверь рассохлась, а щели в ней кто-то заткнул тряпками. Вместо окна — крошечный проём под потолком, затянутый мутной плёнкой, похожей на высушенные кишки. Стекла не было.

Господи, да тут даже розеток нет! Как телефон заряжать?!

Эта идиотская мысль на секунду вытеснила все остальные. Я инстинктивно похлопала по тюфяку в поисках смартфона. Пусто. Конечно, пусто, идиотка.

Я подняла руку, чтобы потрогать гудящую голову, и чуть не закричала.

Рука была не моя.

Тонкая, как спичка. С синеватыми венами под прозрачной кожей, с острыми косточками на запястье и обломанными ногтями. Это была рука анорексичного подростка, а не рука взрослой женщины, которая могла и клумбу вскопать, и тяжёлые папки с документацией из архива притащить.

Паника, до этого тихо сидевшая в углу, вскочила и схватила меня за горло. Я откинула тряпку.

Ноги. Две худые палки в длинной ночной рубаше. Я судорожно ощупала себя. Грудь? Где моя твёрдая «двоячка»? Здесь было плоско, как на аэродроме. Ключицы торчали, как лезвия. Рёбра можно было использовать как стиральную доску. Нет. Не моё. Это тело принадлежало незнакомой, истощённой девчонке.

Дыхание сбилось. Сердце заухало где-то в ушах, как шаманский бубен. Я в чужом теле. Я в чужом, слабом, голодном теле. Бред. Кома после ДТП. Галлюцинации. Сейчас санитар вколет мне успокоительное, и я проснусь...

Тихий скрип чего-то (дверью это назвать язык не поворачивался) вырвал меня из штопора безумия. В щель просунулась детская головка с двумя тонкими косичками мышиного цвета. На меня испуганно смотрела пара огромных синих глаз. В них было столько затаённой тревоги, что моё собственное сердце пропустило удар.

— Элара? — прошептал детский голосок. — Тебе лучше? Леди Валериан велела, чтоб ты вставала. Дрова для кухни сами себя не принесут.

Элара? Какая Элара? Девочка, ты адресом ошиблась! Я Алина из Екб!

Но прежде чем я успела что-то сказать, в моей голове будто лопнул какой-то сосуд. И в мозг хлынули чужие воспоминания. Блёклые, тусклые, полные страха и боли. Элара. Меня зовут Элара. Мне девятнадцать. Это моя младшая сестра, Элина. Ей семь. Родители... утонули. Зимой. Их лодку разбило о скалы. Мы живём у дяди, брата матери. И каждый день нас тычут носом в то, что мы — обуза и дармоеды... Воспоминания были не моими, но боль в них — настоящей. Острая, как нож, тоска по родителям, постоянный, липкий страх перед дядей и его семейкой, унижение, холод и голод... Боже, это тело помнило, что такое голод. Не когда ты сидишь на диете, а когда от пустоты в желудке темнеет в глазах.

— Элара, ты плачешь? — Элина подошла и несмело коснулась моей руки.

Я дотронулась до щеки. Мокрая. Слёзы текли сами. Слёзы несчастной Элара, смешиваясь с моим собственным ужасом.

— Всё хорошо, — прохрипела я чужим, тихим и слабым голосом. — Всё нормально, Лина.

Имя сорвалось с губ само. Я притянула девочку к себе. Она была крошечной и пахла хлебом и детским страхом. И в этот момент, обнимая её, я впервые почувствовала что-то твёрдое под ногами в этом безумном мире. Ответственность. За этого маленького, запуганного ребёнка.

Я могу сколько угодно биться в истерике. Но у меня на коленях сидит дитя, которое ждёт защиты. И я не могу её подвести. Ни я, Алина, ни та девочка, в чьём теле я заперта.

Дверь распахнулась с грохотом, будто её пнули ногой. На пороге стояла ОНА. Леди Валериан. Жена дяди. Высокая, костлявая, с таким надменным и злым лицом, что моя бывшая начальница из отдела благоустройства Тамара Игоревна показалась бы мне милым одуванчиком.

— Лежишь, лежебока! — её голос был холодным и скрипучим, как несмазанные петли. — Я кому велела дрова нести?! Или ты решила, что вчерашний твой цирк с обмороком даёт тебе право на отдых? Нахлебница!

Элина в моих руках задрожала. А во мне... во мне что-то взорвалось. Холодная, расчётливая ярость. Ярость Алины Соколовой, которая могла поставить на место любого зарвавшегося чинушу. Ярость на эту тощую стерву, которая посмела так разговаривать с нами.

Спокойно, Алина. Дыши. Ты не на совещании в мэрии. Ты в средневековье. В слабом теле. Тут за такое могут и в подвал кинуть. Пока играем по их правилам.

— А ну, встала! — приказала она. — И сестру свою тщи, пусть с малых лет к работе привыкает, а не к твоей юбке!

Из-за её спины высунулась мерзкая физиономия кузена Рорика. Прыщавый юнец с бегающими глазками и гнусавой усмешкой. Он был похож на всех тех мерзких подрядчиков, которые пытались впарить мне гнилые саженцы по цене сортовых роз.

— Глядите, матушка, наша принцесса очухалась, — протянул он. — А я уж думал, помрёт. Меньше ртов — легче дышится. Какая экономия для казны нашего дома.

Он шагнул к нам и протянул свою лапу к Элине, которая ещё сильнее вжалась в меня.

— А ну, иди сюда, мелочь. Чего прилипла к этой замарашке? Она же больная. И вообще, почему у тебя в руках эта тряпка? — Он ловко выхватил у Алины из рук маленькую, сшитую из старого лоскутка куклу. — Опять бездельничаешь? Игрушки шьёшь?

Элина пискнула и протянула руки к своей кукле, но Рорик лишь рассмеялся и подкинул её в воздух.

— Вот, матушка, поглядите! Вместо того чтобы работать, она игрушки шьёт! А мы их кормим! — Рорик зло хохотнул, не отдавая куклу.

И это стало последней каплей. Тем самым звонком от коллекторов в шесть утра в субботу, после которого хочется убивать.

Ах ты, урод недоделанный!

Память Эллары вопила: «Молчи! Смирись!», но мой уральский характер рявкнул: «Щас!»

Я медленно подняла голову. И посмотрела прямо в маленькие глазки Рорика. Взглядом, которым я смотрела на подрядчиков, положивших криво бордюрный камень на главной аллее парка. Взглядом, обещавшим служебную проверку, штрафы и вечные муки в виде бесконечных переделок за свой счёт.

— Руки, — произнесла я. Голос был тихим, но в оглушительной тишине он прозвучал как выстрел.

Рорик замер с куклой в руке. Леди Валериан уставилась на меня, открыв рот. Кажется, тихая Элара никогда в жизни не говорила без вопросительной интонации.

— Что ты сказала, неблагодарная тварь? — переспросила она.

— Я сказала, — повторила я, чеканя каждое слово и поднимаясь с кровати. Я была тощей и слабой, но сейчас чувствовала за спиной всю мощь российской бюрократической машины. — Убери от неё свои руки. И верни куклу. Быстро.

Я сделала шаг вперёд, заслоняя собой Элину.

— Ты... ты что себе позволяешь, дрянь?! — взвизгнул Рорик, отступая. В его глазках плескался шок. Шаблон трещал по швам.

— Я позволяю себе защищать свою сестру, — ледяным тоном ответила я. — А теперь вы оба, — велела я, переводя взгляд на окаменевшую леди, — вышли отсюда.

— Да как ты смеешь?! В моём доме?! — задыхнулась она. — Да я тебя на конюшню работать отправлю! Всю жизнь навоз таскать будешь!

— Попробуйте, — ответила я, вскинув бровь, хотя колени дрожали. — Только учтите, леди Валериан: если со мной или с сестрой что-нибудь случится, староста узнает, как здесь обращаются с сиротами. А на днях в город приезжает странствующий магистрат. Не хотелось бы подмочить вашу репутацию милосердной леди.

Понятия всплывали из памяти Эллары, и я цеплялась за них, как за оружие. Нашёлся бы здесь аналог Роспотребнадзора, я бы им такую жалобу накатала!

Лицо Валериан превратилось в маску чистой ненависти. Она поняла. Поняла, что я больше не боюсь. Что я буду говорить. Что я превращу её жизнь в ад жалобами и доносами. Я в этом профи, я в администрации пять лет отработала!

— Вон, — прошипела она сыну. Рорик, бросив куклу на грязный пол, пулей вылетел за дверь. — Ты ещё пожалеешь, что родилась на свет, — пообещала она мне.

— Сомневаюсь, что пожалею сильнее, чем сегодня утром, — спокойно ответила я. — Дверь.

Она метнула в меня взгляд, полный яда, и вышла, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась труха.

И тут меня отпустило. Ноги стали ватными, и я рухнула на тюфяк, дрожа всем телом. Адреналин схлынул, оставив звенящую слабость. Чёрт. Это было опасно. Но как же приятно!

Элина подняла с пола свою куклу, прижала её к груди и посмотрела на меня. И в её огромных синих глазах вместо привычного страха светилось настоящее обожание.

— Элара, — прошептала она. — Ты такая... смелая.

Я снова обняла её, утыкаясь лицом в её волосы.

— Нет, Лина. Я не смелая. Я в шоке и хочу домой, в свой Екб, к своему коту и ипотеке, — выдохнула я, крепче прижимая её к себе.

Я сказала это шёпотом, но девочка, конечно, не поняла и половины слов. Она лишь крепче прижалась ко мне. Я оглядела её внимательнее. Худенькая, бледная, под глазами тени. На руке — свежая царапина. Моё сердце сжалось от ярости и жалости.

— Они часто тебя обижают? — тихо спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал мягко, а не как голос прокурора.

Элина кивнула, пряча лицо у меня на плече.

— Рорик всегда отбирает мои вещи. А леди Валериан говорит, что я ем слишком много хлеба, — пожаловалась она, не поднимая головы.

Сволочи. Просто сволочи.

Я погладила её по голове.

— Больше не будут. Слышишь? Я больше не позволю, — пообещала я, хотя от ответственности сдавило грудь.

Она посмотрела на меня с такой надеждой, что мне стало страшно. Я ведь понятия не имею, что делать. Я в чужом мире, в чужом теле, без денег, без документов, без смартфона с доступом в интернет. Я даже не знаю, где здесь туалет! Но глядя в эти доверчивые глаза, я поняла одно. Я больше не Алина. Я — Элара. И мой главный проект на ближайшее время — «Выживание». Нужно вытащить нас обеих из этого гадюшника. Любой ценой.

Мне нужен был план. Чёткий, как постановление правительства. И я ещё не знала, что скоро судьба подкинет мне такой «госзаказ», по сравнению с которым моя прошлая жизнь покажется отпуском в санатории. Но это потом. А сейчас... сейчас надо было найти что-то съедобное. Потому что мой желудок требовал еды с настойчивостью судебного пристава. Великие дела, как известно, на голодный желудок не делаются. Ни в одном из миров. Проверено.

Глава 2

Слабость не проходила. Я всё ещё сидела на соломенном тюфяке рядом с Элиной и пыталась унять дрожь в руках. После вспышки ярости особенно остро чувствовалось, насколько истощено это тело.

Получилось. Я это сделала. Я, Алина Соколова, офисный планктон из отдела благоустройства, только что поставила на место двух средневековых гопников. Успех? Безусловно. Последствия? О, я была уверена, они не заставят себя ждать. Эта тощая мегера Валериан не простит мне такого унижения. Она найдёт способ отомстить, и сделает это с присущей ей аристократической жестокостью.

— Элара? — тихий голос Элины вернул меня в реальность.

Она сидела рядом, прижимая к себе свою убогую куклу, и смотрела на меня огромными, полными тревоги и восхищения глазами.

— Ты не ушиблась? — спросила она, разглядывая меня так, будто я была хрустальной вазой, которую только что уронили с большой высоты.

— Нет, Лина, всё в порядке, — ответила я, заставив себя улыбнуться. — Просто... устала. И очень хочу есть.

Эта прозаическая мысль была самой сильной. Мой желудок, кажется, уже переварил все внутренние органы и теперь принялся за позвоночник. В прошлой жизни я бы сейчас заказала пиццу «Четыре сыра» и завалилась смотреть сериал. А здесь... Здесь из еды в ближайшей перспективе были только вековая пыль и тот жирный паук на потолке. Бр-р-р.

Так, нужен план. Чёткий, как устав ППС. Пункт первый: еда. Где её взять? Украсть с кухни? Рискованно. Попросить? После утренней сцены мне скорее дадут пинка, чем кусок хлеба.

Пункт второй: безопасность. Нужно защитить Элину. И себя. Валериан и её сыночек теперь будут вдвойне опасны.

Пункт третий: побег. Самый главный. Нам нужно валить из этого «гостеприимного» дома. Но куда? На что жить? Может, устроиться на работу? Кем? Посудомойкой в трактир? С моей нынешней физической формой я свалюсь от усталости через час. А Элину куда? Оставить одну в этом гадюшнике? Исключено.

Мои гениальные планы, один другого нереальнее, были прерваны стуком в дверь. На этот раз стук был не злобным и громким, а тихим, неуверенным, почти деликатным. Мы с Элиной замерли. Я инстинктивно притянула её к себе, готовая снова превратиться в фурию.

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова. Не Валериан. И не Рорика. Это был невысокий, сухой старичок в потёртом, но чистом камзоле, с огромными очками на кончике носа и пергаментным свитком в руках. Он был похож на нашего бухгалтера из мэрии, Семёна Захаровича, который вечно боялся собственной тени.

— Кхм... Девушка Элара? — проскрипел он, близоруко щурясь.

Я молча кивнула, не понимая, чего от меня хочет этот персонаж.

— Вас просят пройти в кабинет лорда Корвина. Срочно, — старичок тревожно оглянулся на коридор.

В кабинет дяди? О нет. Сейчас начнётся разбор полётов. Видимо, Валериан уже наябедничала своему муженьку, и нас ждёт показательная порка.

— Мы сейчас придём, — ответила я, вставая и отряхивая свою «ночнушку».

Взяв Элину за руку, я пошла за старичком по тёмным, холодным коридорам. Дом был огромным, мрачным и неудобным. Каменные стены, гобелены с выцветшими сценами охоты, тусклый свет из редких окон... Бр-р-р, жуть. Атмосфера была такой гнетущей, что даже в нашем сером здании администрации на площади 1905 года было веселее.

Кабинет лорда Корвина оказался единственным тёплым местом во всём доме. Здесь горел камин. Сам лорд, грузный мужчина с багровым лицом и тяжёлым взглядом, сидел в большом кресле. Рядом, с видом оскорблённой добродетели, стояла леди Валериан. Рорик прятался у неё за спиной. Мой дядя, судя по воспоминаниям Элара, был человеком безвольным, полностью находящимся под каблуком у своей жены.

— А, вот и они, — процедила Валериан, когда мы вошли. — Явились, негодницы.

Лорд Корвин тяжело вздохнул и посмотрел на нас. Во взгляде его не было злости, скорее, усталость и раздражение.

— Подождите у двери, — устало велел он старичку и перевёл взгляд на меня. — Элара, твоя тётя говорит, ты сегодня проявила неслыханную дерзость. Это правда?

Так, Алина, держи оборону. Сейчас будут давить на чувство вины.

— Лорд Корвин, — начала я ровным, спокойным тоном, которому позавидовал бы наш юрист на судебном заседании. — Ваш сын, Рорик, пытался силой отобрать у моей сестры её единственную игрушку и довёл её до слёз. Я лишь попросила его прекратить. Если защита младшей сестры в этом доме считается дерзостью, то да, я была дерзкой.

Валериан зашипела, как змея. Рорик покраснел и что-то забормотал. Дядя снова вздохнул, потёр переносицу и, кажется, решил сменить тему, потому что спорить с женой ему явно не хотелось.

— Ладно. Не за тем позвали. Господин нотариус, — кивнул он старичку, который скромно стоял у двери. — Огласите.

Нотариус (так вот кто это!) шагнул вперёд, развернул свой свиток и, прокашлявшись, начал читать монотонным, скрипучим голосом: — «Я, баронесса Изольда фон Штейн, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, завещаю всё своё движимое и недвижимое имущество, а именно — ферму „Затерянный Ручей“ со всеми постройками, землями и скотом, моим правнучкам, Эларе и Элине, дочерям покойного Эрика фон Штейна, в полное и безраздельное владение...»

Дальше я не слушала. В ушах зашумело. Наследство? Ферма? Нам? Это что, шутка такая? Розыгрыш?

Я посмотрела на дядю и тётю. Их лица выражали... плохо скрываемое ликование. Валериан даже не пыталась спрятать довольную ухмылку. И тут до меня дошло.

Они хотят от нас избавиться!

Это же идеальный повод! Сплавить двух «нахлебниц» в какую-то глушь, да ещё и под видом благодеяния. Мол, не просто выгнали, а отправили в собственное имение. Красиво. Очень красиво.

— ...завещание вступает в силу немедленно, — закончил нотариус и свернул свиток.

— Какое счастье! — всплеснула руками Валериан с таким фальшивым восторгом, что мне захотелось плюнуть. — Девочки, вы слышали? Ваша прабабка Изольда позаботилась о вас! У вас будет свой дом! Своё хозяйство!

— Да, — поддакнул дядя. — Это большая удача. И большая ответственность. Думаю, вам следует отправиться туда как можно скорее. Чтобы принять дела. Телега будет готова через час.

Через час?! Они даже дня нам не дают! Спешат, торопятся выпроводить нас за порог.

— Но... — я попыталась возразить. Мне нужно было время, чтобы подумать, всё взвесить.

— Никаких «но», — отрезала Валериан. — Воля покойной — закон. Собирайте свои вещи. Рорик, проводи их.

Собирайте свои вещи. Ха! Сказано так, будто у нас тут чемоданы от Луи Виттона. Весь наш скarb умещался в один небольшой узелок. Две смены белья, старое платье Элины и моя вторая рубашка. Ещё я свернула колючее одеяло с тюфяка: лучше такое, чем никакого. Ну и кукла. Вот и всё наследство.

Рорик с ехидной ухмылкой проводил нас до нашей каморки.

— Ну что, принцесса, допрыгалась? — прошипел он мне в спину. — Отправляют тебя навоз месить. Туда тебе и дорога.

Я промолчала. Сейчас спорить с ним было бессмысленно и глупо. Мой мозг лихорадочно работал, анализируя ситуацию.

Итак, что мы имеем? Неожданное наследство. Ферма в месте под названием «Затерянный Ручей». Звучит, прямо скажем, не очень обнадеживающе. Явно какая-то глухомань. Но! Это шанс. Шанс выбраться из этого ада. Собственный угол. Своя крыша над головой, какой бы она ни была. Это лучше, чем ничего. Нужно хвататься за эту возможность.

Мы быстро собрали наш узелок. Я переоделась из ночной рубахи в своё старое залатанное платье и забрала у нотариуса заверенную копию завещания. Когда мы вышли во двор, там уже стояла телега, запряжённая старой, унылой клячей. Возница, угрюмый мужик в тулупе, даже не посмотрел в нашу сторону.

Леди Валериан вынесла нам буханку чёрствого хлеба.

— Вот, — произнесла она с видом величайшей благодетельницы. — На дорогу. И пусть хранят вас духи предков.

Ага, особенно дух твоей жадности, — мысленно съязвила я.

Я молча взяла хлеб. Мы с Элиной забрались в телегу, на жёсткую солому. Никто не вышел нас провожать. Дядя, тётя, Рорик — все они просто исчезли, как только мы оказались за воротами. Избавились. И вздохнули с облегчением.

Телега тронулась, заскрипев всеми своими суставами. Мы ехали по грязным улицам города. Я впервые видела его не из окна своей каморки. Кривые дома, налепленные друг на друга, грязные канавы вместо тротуаров, люди в серых, унылых одеждах... Средневековые, как оно есть. Никакой тебе брусчатки, красивых фонарей и уютных скверов, которые я так любила проектировать. Сплошная грязь, вонь и уныние.

Когда мы выехали за городские стены, пейзаж стал повеселее. Поля, леса, холмы... Природа здесь была дикой, нетронутой. Я, как специалист, сразу отметила про себя несколько интересных видов деревьев, которых никогда не видела. Мой внутренний ландшафтный дизайнер на секунду проснулся и с любопытством начал анализировать флору.

— Эли, — тихо спросила Элина, прижимаясь ко мне. — А ты знала прабабку Изольду?

Я порылась в остатках воспоминаний Эллары.

— Нет, — честно ответила я. — Кажется, её никто не видел уже очень много лет. Про неё говорили... разное.

— Что она ведьма, — прошептала Элина, и в её глазах мелькнул страх. — Я слышала, как служанки шептались. Говорили, что она разговаривает с животными и что на её ферме творятся странные вещи.

Ведьма? Странные вещи? Шикарно! Просто великолепно! Мало мне было родственников-садистов, так теперь ещё и наследство с «сюрпризом». Моя жизнь определённо становилась всё более и более увлекательной.

Дорога была долгой и мучительной. Телега тряслась на каждой кочке, и моя пятая точка, не привыкшая к таким путешествиям, протестовала и требовала мягкое офисное кресло. Мы молча жевали чёрствый хлеб. Возница не проронил ни слова за всю дорогу.

К вечеру, когда солнце уже начало садиться, телега свернула с главной дороги на узкую, заросшую тропу, которая вела вглубь густого, мрачного леса. Здесь стало заметно холоднее, а с деревьев начал сползать густой, белый туман.

— Куда мы едем? — спросила я у возницы, нарушая тишину.

Он хмуро дернул плечом. — Почти приехали.

Ещё через десять минут тряски по корням деревьев он резко натянул вожжи. Кляча остановилась.

— Всё, — буркнул он, не оборачиваясь. — Приехали. Ферма Затерянного Ручья. Дальше сами.

Я посмотрела вперёд. Тропа заканчивалась у входа в небольшую долину, полностью укутанную туманом. Из этого тумана, как гнилые зубы, торчали верхушки мёртвых деревьев и конёк какой-то покосившейся крыши. Никакого «ручья» видно не было. Никаких признаков жизни. Только зловещая тишина и холодный, липкий туман.

— Высаживайтесь, — поторопил возница.

Мы с Элиной спрыгнули на землю. Он, не говоря ни слова, развернул свою телегу так ловко, как будто сто раз это делал, и погнал клячу обратно, быстро исчезнув в сумерках.

И мы остались одни. Вдвоём. На краю мрачной долины, у входа на ферму, доставшуюся нам от прабабки-ведьмы.

Я сглотнула вязкую слюну, взяла наш узелок в одну руку, а ледяную ладошку Элины — в другую.

— Ну что, Лина, — сказала я с самой бодрой интонацией, на которую была способна. — Пойдём знакомиться с нашим новым домом?

Впереди нас ждал туман. И я почему-то была уверена, что за ним скрывается нечто гораздо худшее, чем просто старый, заброшенный дом. Моё шестое чувство, отточенное годами общения с госзакупками и проверками из прокуратуры, вопило об опасности. И оно никогда меня не подводило.

Глава 3

Возница исчез так быстро, будто его и не было. Словно он был не реальным угрюмым мужиком, а призраком, чья единственная цель — доставлять сироток в проклятые места. Телега растворилась в сумерках, и нас окутала тишина. Густая, вязкая, почти осязаемая. Такая тишина бывает только в фильмах ужасов, за секунду до того, как из-за дерева выпрыгнет маньяк с бензопилой.

Я стояла на краю тропы, в одной руке сжимая наш сиротский узелок, а в другой — ледяную ладошку Элины. Перед нами расстилалась долина, утопающая в молочно-белом тумане. Он клубился, полз по земле, цеплялся за голые ветки деревьев, словно живое, голодное существо.

— Эли, там... там наш дом, — прошептала Элина, показывая пальчиком вглубь тумана, откуда торчал зловещий конёк крыши.

Дом, милый дом, — истерично хихикнул мой внутренний голос. Кажется, нас ждёт ремонт. И, возможно, экзорцизм.

— Ну что, Алина-Элара, собралась, — пробормотала я себе под нос. — Ты же у нас сильная, независимая женщина. Справлялась с проверками из прокуратуры, с гневом обманутых дольщиков, с самодурством начальства. Неужели тебя напугает какой-то туман? И дом с плохой репутацией? Да ты в таких «домах» на Уралмаше бывала, что это место по сравнению с ними — элитный коттеджный посёлок.

Эта ободряющая ложь подействовала. Я выпрямила спину, сжала руку сестры крепче и шагнула с тропы на мокрую, чавкающую землю.

— Пойдём, Лина. Только держись за меня. И смотри под ноги, — попросила я, сжимая её ладонь.

Мы шли в тумане, как ёжики из мультика. Только нам было совсем не смешно. Земля под ногами была скользкой и вязкой. Голые, скрюченные ветки деревьев тянулись к нам, словно костлявые руки. Вокруг не было слышно ни пения птиц, ни стрекота насекомых. Только наше собственное дыхание и чавканье грязи под ногами. Абсолютная, мёртвая тишина.

И ощущение. Ощущение, что на нас смотрят. Из тумана, с деревьев, из-под земли. Невидимые, недоброжелательные глаза. У меня по спине бежали мурашки размером с тараканов. Элина прижималась ко мне всё сильнее, но молчала. Она была напугана, но она мне верила. И это придавало мне сил.

Наконец, мы вышли из самой гущи тумана к поляне, на которой и стояло ОНО. Наше наследство.

Господи. Мама. Обрати забери.

Если бы у отчаяния и разрухи был памятник, он бы выглядел именно так.

Дом. Он не просто был старым. Он был мёртвым. Покосившийся, выросший в землю, с тёмными, пустыми глазницами окон. Крыша провалилась в нескольких местах. Деревянная обшивка сгнила и почернела, покрытая зелёным мхом, похожим на трупные пятна. Крыльцо... вернее, то, что от него осталось, представляло собой грудку гнилых досок, готовых в любой момент рассыпаться в прах.

— Это... это он? — прошептала Элина.

— Видимо, да, — прохрипела я. — Выглядит... винтажно.

Но дом был только половиной беды. Вторая половина — это то, что его окружало. Я, как специалист по ландшафтному дизайну, чуть не получила сердечный приступ. Это был не просто запущенный сад. Это был ад для агронома.

Вокруг дома буйствовала растительность. Но не простая. Вместо обычной травы рос какой-то бурьян с шипами размером с мой палец. Крапива была выше меня ростом и, я

клянусь, она шевелила своими листьями, когда мы проходили мимо, пытаясь нас ухватить. А лопухи... Огромные, мясистые лопухи с фиолетовыми прожилками, которые, казалось, дышали.

Так, это не просто сорняки. Это какие-то мутанты. Прабабка Изольда, чем ты их тут поливала? Отходами с химического завода?

Сбоку от дома виднелись развалины сарая, который, судя по всему, проиграл в битве с каким-то гигантским плющом-душителем. Рядом стоял колодец, накрытый прогнившей крышкой. От него ощутимо несло серой.

Да на ремонт этого всего моя ипотека на однушку в Академическом покажется копейками! — с тоской подумала я. — Тут нужен не дизайнер, а бригада строителей и отряд МЧС. И священник. Обязательно священник.

— Пойдём внутрь? — спросила Элина, дёргая меня за рукав. Ей явно было страшно стоять здесь, на открытом месте, под взглядами этих хищных растений.

— Пойдём, — вздохнула я. — Терять нам всё равно нечего.

Мы с опаской подошли к крыльцу. Я наступила на одну из досок. Она жалобно хрустнула, но выдержала. Осторожно, как по минному полю, мы добрались до двери. Дверь была массивной, дубовой, с огромным ржавым кольцом вместо ручки. Я потянула за кольцо. Дверь не поддавалась. Я потянула сильнее, упираясь ногами. Со скрипом, от которого заложило уши, дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы мы могли протиснуться внутрь.

В нос ударил такой концентрированный запах пыли, тлена и ещё чего-то, кисло-сладкого и незнакомого, что я на секунду перестала дышать. Внутри было почти темно, свет едва пробивался сквозь грязные окна.

Когда мои глаза немного привыкли к темноте, я смогла разглядеть обстановку. Мы стояли в большой комнате, которая, видимо, была и гостиной, и столовой. В центре — огромный стол, покрытый таким слоем пыли, что на нём можно было писать романы. Вокруг — несколько стульев, один из которых был сломан. В дальнем углу — гигантский камин, чёрный от сажи, в котором валялись какие-то кости. Я очень надеялась, что это были кости животных.

Повсюду была паутина. Не тоненькие ниточки, а плотные, серые полотна, свисающие с потолка, как флаги в заброшенном королевстве. Мебель была сломана и перевернута. На полу валялись осколки посуды и какие-то тряпки.

— Здесь... здесь был погром, — прошептала я.

Это не было похоже на простое запустение. Это было похоже на то, что кто-то или что-то целенаправленно крушило всё внутри.

— Мне не страшно, — вдруг сказала Элина. Она отпустила мою руку и сделала несколько шагов вперёд.

— Лина, осторожно! — крикнула я.

Но она не слушала. Она подошла к покрытому пылью подоконнику и провела по нему пальчиком.

— Дому грустно, — сказала она совершенно серьёзно. — Он очень давно один.

Так, девочка моя, у тебя, кажется, особые отношения с неодушевлёнными предметами. Это и пугает, и обнадеживает одновременно.

Я пошла за ней, осматриваясь. Справа была дверь, ведущая, судя по всему, в кухню. Я толкнула её.

Кухня была ещё ужаснее. Огромная печь, похожая на алтарь какому-то злобному боже-ству. На полках — несколько чугунных котлов, покрытых изнутри чем-то зелёным и пушистым. Я даже боюсь представить, что тут варила прабабка. Наверное, суп из тех, кто ей не нравился.

Я быстро закрыла дверь. Нет. Сюда мы зайдём позже. Когда у меня будет защитный костюм, противогаз и огнемёт.

Я повела Элину к лестнице, ведущей на второй этаж. Лестница скрипела под каждым шагом так, будто собиралась немедленно развалиться. Наверху было две комнаты. Одна была пустой, если не считать горы какого-то хлама в углу. Во второй стояла кровать с прогнившим матрасом, шкаф, который лишился одной дверцы, и разбитое зеркало на стене.

Я подошла к зеркалу. Осколки висели на стене, и в каждом из них отражалась часть моего нового лица. Бледная кожа, огромные, испуганные глаза, спутанные волосы... Лицо Эллары. И в этот момент, глядя на это разбитое отражение в разбитом доме, меня накрыло.

Не истерикой. Не слезами. А холодным, бездонным отчаянием.

Что я здесь делаю? Я, Алина Соколова, которая мечтала о повышении, копила на отпуск в Турции и жаловалась на пробки в Екатеринбурге. Я застряла в теле какой-то несчастной сиротки в мире, похожем на страшную сказку. Меня выгнали из одного ада, чтобы засунуть в другой, ещё хуже. У нас нет еды. У нас нет тёплой одежды. У нас нет ничего, кроме этого проклятого, разваливающегося дома, который, кажется, хочет нас сожрать.

Я опустила на пол в самом чистом углу, притянула к себе Элину и просто замерла, уставившись в одну точку. В голове была абсолютная пустота. Все мои планы, вся моя бравада, весь мой сарказм — всё это испарилось, оставив после себя лишь выжженную пустыню страха и бессилия. Мы здесь умрём. От голода, от холода или нас просто сожрёт этот дом. Вот и конец моей истории. Нелепый и страшный.

Я почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Я была на грани. На самой грани того, чтобы разреветься, как маленькая девочка, и сдаться.

И в этот момент Элина пошевелилась. Она залезла в наш узелок, достала оттуда кусок чёрствого хлеба, который нам дала Валериан, и протянула его мне.

— На, — сказала она тихо. — Ты, наверное, больше меня хочешь есть. Ты же нас защищала.

Я посмотрела на неё. На её серьёзное личико, на её синие глазищи, в которых не было ни капли упрёка, только забота. Она, семилетний ребёнок, в этом ужасном месте, думала не о себе, а обо мне.

И что-то во мне сломалось. А потом собралось заново. Но уже по-другому.

Отчаяние схлынуло, уступая место чему-то иному. Холодной, твёрдой, как уральский гранит, ярости. Ярости на Валериан, на Рорика, на судьбу, на этот проклятый дом. Кто они все такие, чтобы сломать меня? Меня, которая выбивала бюджет на озеленение сквера у самых жадных чиновников! Меня, которая могла успокоить толпу разгневанных бабушек, у которых под окнами решили спилить старый тополь!

Я не сдамся. Я не имею права. Ради этой маленькой девочки с куском хлеба в руке.

Я взяла хлеб, разломила его пополам и отдала большую часть сестре.

— Ешь, — сказала я голосом, который больше не дрожал.

Она послушно начала грызть свою корку. А я встала. Оглядела комнату новым, оценивающим взглядом.

Да, это развалина. Да, это помойка. Да, это опасно. Но это наша развалина. Наша помойка. И наша крепость.

— Ну что ж, дом, — сказала я вслух, обращаясь к стенам. — Значит, так. Я — твоя новая хозяйка. Алина-Элара. И с этого дня здесь будут новые правила. Мои правила. — Я сделала паузу, набирая в грудь побольше воздуха. — Мой внутренний ландшафтный дизайнер пока отошёл в сторону, но только что родился очень злой комендант студенческого общежития. И первое правило моего общежития — чистота и порядок! Так что готовься. Генеральная уборка начинается завтра. Даже если мне придётся выскрести тебя до камня и сжечь всю гниль. Мы ещё посмотрим, кто кого.

Дом ответил мне молчанием. Но мне показалось, что в этом молчании было не только равнодушие, но и капелька удивлённого любопытства. Что ж, тем интереснее будет игра.

Глава 4

Мой героический запал, на котором я так красиво объявила войну этому дому, иссяк примерно через тридцать секунд. Ровно столько времени понадобилось сумеркам, чтобы окончательно сгуститься и сожрать остатки света, пробивавшегося в грязные окна. Комната погрузилась в такую густую, непроглядную темноту, что казалось, её можно резать ножом и намазывать на хлеб. Если бы у нас был хлеб. И нож.

— Эли, мне страшно, — прошептала Элина, её голос дрожал. Она вцепилась в мою руку с силой маленьких клещей.

— Я рядом, — сказала я, стараясь не выдать собственный страх. — Сейчас устроимся на ночь и закроем дверь. Вместе справимся.

Слова получились увереннее, чем я себя чувствовала. Теперь оставалось сделать хоть что-нибудь, чтобы Элина поверила им не напрасно.

Нужно было действовать. План «Выжить до утра» требовал немедленной реализации.

— Так, Лина, слушай мою команду, — зашептала я, переходя на деловой тон, которым обычно раздавала поручения на планёрках. — Наша задача — организовать безопасный плацдарм. Одну комнату, где мы проведём ночь. Эту, где кровать. Там одно окно и одна дверь, её легче оборонять.

— Оборонять? От кого? — пискнула сестра.

— От сквозняков, — поспешно ответила я, услышав испуг в её голосе. — И чтобы никто не вошёл, пока мы спим. Помоги мне сдвинуть шкаф.

Я встала и на ощупь добралась до шкафа. Вместе мы подтащили его останки к двери. Эта трухлявая баррикада вряд ли остановила бы даже чихнувшего котёнка, но психологически стало немного легче.

Следующий пункт — спальное место. Я решительно подошла к кровати и стянула с неё гнилой, воняющий плесенью тюфяк. Он был тяжёлый и мерзкий. Я с отвращением оттащила его в угол комнаты. Спать на этом рассаднике заразы? Увольте. Лучше на голых досках. Жестко, зато без риска проснуться с грибницей на лице.

— А на чём мы будем спать? — спросила Элина.

— На супер-ортопедическом ложе из натурального дерева, — бодро ответила я. — Последний писк моды. А подушкой нам послужит... — продолжила я, вытаскивая из нашего узелка единственную смену белья, — ...вот это! Эксклюзивный текстиль!

Я расстелила на досках нашу одежду. Получилось убого, но это было наше убогое место. Мы забрались на дощатый топчан и укрылись колючим одеялом, которое я притащила с собой от дяди. Оно было старым и пыльным, но оно было единственным, что у нас было.

Мы лежали в полной темноте и тишине. Вернее, тишина была относительной. Дом жил своей жизнью. Он скрипел, стонал, вздыхал. Где-то внизу что-то шуршало. На крыше кто-то скребся.

— Расскажи сказку, — попросила Элина, чтобы заглушить эти звуки.

Сказку? Господи, я и сказок-то не помню. «Колобок»? «Репка»?

— Хорошо, — вздохнула я, прижимая её к себе. — Жила-была в большом сером замке принцесса. Не простая, а принцесса-строитель. Она разбивала для своего королевства парки с фонтанами. Но однажды выпила на пиру заколдованного вина и проснулась в чужом королевстве...

Я рассказывала, а сама видела хрущёвки, чертежи, недовольную начальницу и пластиковые стаканчики с дешёвым шампанским. Выходила не сказка, а моя собственная жизнь, наскоро переодетая в сказочное платье.

Я несла какой-то бред, смешивая свою жизнь и сказочные мотивы, пока не услышала ровное дыхание сестры. Она уснула. А я осталась одна, наедине с темнотой, страхом и звуками этого дома. Я задремала лишь под утро; до этого лежала, вздрагивая от каждого шороха и проклиная тот день, когда решила пойти работать в мэрию.

Утро пришло не с ласковыми лучами солнца, а с серым, промозглым светом, который просочился сквозь грязное стекло на окне и безжалостно высветил всю убогость нашего временного убежища. Я проснулась от холода, вся задеревеневшая. Спина болела так, будто по мне всю ночь ездили на той самой телеге.

Элина ещё спала, свернувшись калачиком. Глядя на неё, я почувствовала новый прилив решимости. Хватит бояться. Время действовать. Операция «Выживание» началась.

Первый пункт — вода. Без воды мы долго не протянем. Я оставила Элину спать, а сама спустилась вниз и вышла на улицу. Утренний туман был не таким густым, но воздух был влажным и холодным. Я решительно направилась к сараю в поисках ведра.

Сарай был ещё более ветхим, чем дом. Я открыла дверь с опаской, ожидая, что вся конструкция сейчас рухнет мне на голову. Внутри было темно и пахло навозом столетней давности. В углу я нашла то, что искала: старое, ржавое ведро и кусок истлевшей верёвки. Не густо, но лучше, чем ничего.

Вооружившись этим антиквариатом, я подошла к колодцу. От него всё так же несло серой. Я с трудом сдвинула гнилую крышку. Заглянула внутрь. На дне, в темноте, что-то поблёскивало. Не вода. Что-то густое и маслянистое.

Ладно, попытка не пытка, — сказала я себе, привязывая верёвку к ведру.

Я опустила ведро вниз. Оно булькнуло так, будто упало не в воду, а в густой кисель. Я с трудом потянула верёвку вверх. Ведро было тяжёлым. Когда я вытащила его на свет, мой оптимизм умер окончательно. Внутри была не вода, а густая, чёрная, пузырящаяся жижа, которая воняла тухлыми яйцами.

— Шикарно! — сказала я вслух. — Просто великолепно! Водоканал бастует. И вместо воды у нас, похоже, филиал ада. Пить это нельзя. Даже руки мыть опасно.

Пункт «Вода» с треском провалился. Ладно. Пункт второй: Еда.

Мой взгляд упал на огород-джунгли. Может, среди этих растений-мутантов есть что-то съедобное? Я же всё-таки почти агроном! Осторожно, как сапёр, я подошла к ближайшей грядке. На ней росло нечто, отдалённо напоминающее морковь. Только ботва была фиолетовой, а из земли торчал не оранжевый, а какой-то бледный, почти белый корешок.

Я ухватила за ботву и потянула. Корень не поддавался. Я потянула сильнее. И тут... корень пискнул. Пронзительно и жалобно. Я от неожиданности отдернула руку.

Он что, живой?!

Я снова ухватила за ботву. Снова потянула. Корень снова пискнул и, кажется, попытался уползти обратно под землю, извиваясь, как червяк.

— Ах ты ж, зараза! — разозлилась я. — Не уйдёшь!

Уперевшись ногами, я дёрнула изо всех сил. С чавкающим звуком корень вылетел из земли. Он был длинный, белый, и он действительно извивался у меня в руках, как пойманная змея. Я с отвращением бросила его на землю. Он тут же попытался уползти. Я придавила его камнем.

М-да. Урожай что надо. Свежепойманная морковь. Что с ней делать, я не представляла. Варить? Жарить? А на чём? Костёр разводить я не умела, да и спичек у меня не было.

Подхватив корень вместе с куском мешковины, я вернулась в дом. Элина уже проснулась и сидела на кровати, испуганно глядя на меня.

— Я принесла завтрак, — мрачно сказала я, показывая ей извивающийся корень.

Она посмотрела на него с любопытством, а не с отвращением.

— Он боится, — сказала она с неожиданной жалостью, разглядывая корень.

— Ещё бы ему не бояться, — проворчала я. — Я собираюсь его съесть.

Я села на пол, чувствуя, как меня снова накрывает волна отчаяния. Воды нет. Еда — живая и питит. Инструментов нет. Что делать?

И тут Элина подошла к корню. Она присела на корточки и осторожно дотронулась до него пальчиком.

— Не бойся, — прошептала она. — Мы тебя не обидим. Нам просто очень нужно поесть.

И, к моему полному изумлению, корень перестал извиваться. Он замер. Просто лежал на полу, как обычная морковка. Я торопливо завернула его в мешковину, чтобы потом спустить в кухню.

Я уставилась на сестру. Потом на корень. Потом снова на сестру.

— Как... как ты это сделала? — выдохнула я, поражённая увиденным.

— Не знаю, — пожала она плечами. — Я просто попросила его не бояться.

В моей голове что-то щёлкнуло. Её слова в доме: «Ему грустно». Её прикосновение к корню. Это не просто детская фантазия. Это... магия?

— Лина, — позвала я, серьёзно глядя на неё. — А ты можешь... попросить колодец дать нам воды?

Она неуверенно посмотрела на меня. — Я не знаю. Я никогда не пробовала.

— А давай попробуем, — предложила я с неожиданным азартом.

Мы вышли к колодцу. От него всё так же воняло.

— Ну, давай, — кивнула я сестре. — Поговори с ним.

Я придержала Элину за пояс, когда она подошла к краю, заглянула в чёрную дыру и тихо-тихо запела. Это была простая, незамысловатая мелодия без слов, похожая на колыбельную. Она пела, и мне показалось, что сам воздух вокруг стал меняться. Он стал чище. Запах серы стал слабее.

Я снова опустила ведро в колодец. Оно булькнуло, но уже не так густо. Я потянула верёвку. Ведро было легче. Когда я вытащила его, я не поверила своим глазам.

Внутри была вода. Не кристально чистая, конечно. Мутная, с каким-то осадком. Но это была вода! Она не пузырилась и не воняла тухлятиной. Она пахла просто сырой землёй.

— Получилось! — закричала я, чуть не расцеловав сестру. — Лина, ты волшебница! Ты настоящая волшебница!

Она смущённо улыбнулась. А я смотрела на неё и понимала — вот он, наш главный ресурс. Не мои мозги. Не мои руки. А эта маленькая девочка с её невероятным даром.

Мы отнесли ведро в дом. Потом я спустила с верхнего этажа завёрнутый корень и оставила его у кухонной двери. Я нашла в кухне треснувшую чашку, ополоснула её этой мутной водой и зачерпнула ещё. Я не решалась пить сама, но очень хотелось пить.

— Будем кипятить, — твёрдо сказала я. — А для этого нужен огонь.

Я как раз начала лихорадочно соображать, как добыть огонь трением, как в старых фильмах, когда мы слышали звук.

Громкий. Властный. Совершенно чуждый этому заброшенному месту.

Кто-то стучал в нашу входную дверь.

Вернее, не стучал. А бил. С такой силой, что весь дом содрогнулся.

БУМ. БУМ. БУМ.

Звук был таким, будто в нашу дверь били огромным камнем. Мы с Элиной замерли, прижавшись друг к другу. Сердце ухнуло куда-то в пятки. Кто это мог быть? В этой глуши? Ни один человек не мог стучать с такой чудовищной силой.

БУМ.

Дверь затрещала. Мы в ужасе усталились на неё, ожидая, что она вот-вот разлетится в щепки. Кто бы там ни был, он был очень большим, очень сильным и, судя по всему, очень нетерпеливым. И он пришёл к нам.

Глава 5

БУМ.

Следующий удар был самым сильным. Старая дверь затрещала так, что я была уверена — сейчас она разлетится в щепки. Я инстинктивно отпихнула Элину себе за спину и метнулась к камину, выискивая оружие. Самым подходящим на вид предметом оказалась ржавая кочерга. Я схватила её. В руке она ощущалась жалкой и бесполезной, как постановление о запрете курения на остановках. Но это было лучше, чем ничего.

— Спрячься! — прошипела я сестре, указывая на развалины шкафа в углу.

Элина, не задавая вопросов, прошмыгнула за него.

Удары прекратились. Наступила тишина. Ещё более страшная, чем грохот. Я стояла посреди комнаты, сжимая кочергу вспотевшими руками, и не дышала. И в этой тишине раздался голос.

Он не был громким. Он был... всепроникающим. Низкий, рокочущий, с металлическими нотками, он прозвучал не снаружи, а прямо у меня в голове, заставляя вибрировать каждую косточку.

— Я знаю, что вы там. Откройте. — В низком голосе нарастало нетерпение.

Это был приказ. Спокойный, властный, не терпящий возражений. Голос того, кто привык, что ему подчиняются. Всегда.

Откройте? Щас, разбежалась! Может, тебе ещё и ключи от квартиры, где деньги лежат, принести? — истерично подумала я.

Но голос был таким, что ему хотелось подчиниться. Просто чтобы он замолчал. Чтобы этот рокот перестал вибрировать в твоём черепе.

Я медленно, на ватных ногах, подошла к двери. Кочергу я держала наготове, как копьё. Заглянула в щель. Снаружи никого не было. Только туман и деревья. Я прижалась ухом к холодному дереву. Тишина.

Может, мне показалось? Может, это просто старый дом так шутит?

И тут тот же голос раздался прямо над моим ухом, заставив меня отскочить с визгом: — Не заставляй меня повторять.

Он был уже внутри?! Нет, голос звучал снаружи. Как он это делает?!

Всё. Хватит. Неопределённость пугает больше, чем любая угроза. Я глубоко вздохнула, зажмурилась и рванула на себя тяжёлую дверь.

На пороге стоял ОН.

И первое, что я подумала: «Ну, здравствуй, Апокалипсис. А ты у нас, оказывается, симпатичный».

Он был огромным. Высоким, широкоплечим, словно высеченным из камня. На нём был безупречно чистый чёрный дорожный плащ, который на фоне нашей разрухи смотрелся так же неуместно, как смокинг на свиноферме. Длинные тёмные волосы были стянуты на затылке кожаным шнурком. Но всё это было неважно. Важны были глаза.

Глаза цвета расплавленного золота. Без зрачков. Светящиеся изнутри собственным, недобрым светом. Это были не человеческие глаза. Это были глаза хищника. Древнего, могущественного и абсолютно безжалостного. Он смотрел на меня сверху вниз с таким холодным презрением, что мне на секунду стало трудно дышать.

— Наконец-то, — пророкотал он, и я поняла, что это был тот самый голос. — Я уж было решил, что придётся выламывать дверь. А это лишние хлопоты.

Он, не спрашивая разрешения, шагнул через порог. Я инстинктивно отступила, выставив вперёд кочергу.

— С-стойте! Кто вы такой? Что вам нужно? — мой голос прозвучал жалко и пискляво.

Он окинул мою «пику» таким взглядом, каким смотрят на таракана, а потом снова перевёл свои золотые глаза на меня.

— Опусть эту железку, человечка. Ты выглядишь ещё более жалко, чем я предполагал, — процедил он, брезгливо покосившись на кочергу.

Человечка?! Ах ты, индюк золотоглазый! Ваше Чешуйчатое Высокомерие! — в моей голове тут же родился десяток обидных прозвищ.

Он прошёл в центр комнаты, и его присутствие, казалось, заполнило всё пространство. Он не осматривался с любопытством. Он осматривался с брезгливостью. Словно инспектор санэпидемстанции, попавший в самый грязный притон города.

— М-да, — протянул он, проведя пальцем в перчатке по пыльному столу. — Картина даже хуже, чем я ожидал. Фон нестабилен. Эманации хаоса пробивают защитный контур. Полный дисбаланс.

Он говорил на каком-то странном языке, из которого я понимала только предлоги.

— Какой ещё фон? Радиационный? — не удержалась я. — И вообще, вы кто такой, чтобы врывать в чужой дом и устраивать тут проверки? Покажите удостоверение!

Он медленно повернулся ко мне. В его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. Кажется, к такому тону он не привык.

— Удостоверение? — переспросил он, и в уголке его губ появилась холодная усмешка. — Моё удостоверение — это эта земля. Этот лес. Этот ручей, который ты не видишь, но который медленно умирает из-за того, во что превратилось это место. Я — Хранитель этих земель. И владелец. А вы, человечки, находитесь здесь лишь по моей милости. И по условиям Договора, который ваша безумная прабабка заключила со мной.

Договор? Хранитель? Мама, я, кажется, попала не просто в средневековье, а в самое настоящее фэнтези. С драконами и магией. И, судя по всему, дракон сейчас стоит передо мной и смотрит на меня, как на мусор.

— Ваша прабабка Изольда обязалась поддерживать на этой ферме магический баланс, — продолжал он, шагая по комнате и пинком отшвыривая сломанный стул. — Она была сильной ведьмой и справлялась. Но она умерла, и этот источник силы превратился в гниющую язву на моей земле. Магия дичает, прорывается наружу, пугает моих созданий.

Он вдруг замер и посмотрел в угол, где за развалинами шкафа пряталась Элина. Я похлодела.

— А, — протянул он. — Здесь ещё один. Совсем крошечный. С почти несформировавшейся аурой.

Он сделал шаг в её сторону.

— Не подходите к ней! — крикнула я, снова выставя кочергу.

Он остановился и снова посмотрел на меня. На этот раз в его взгляде была не только брезгливость, но и откровенная скука.

— Успокойся, человечка. Я не питаюсь детьми. В отличие от некоторых тварей, которые скоро начнут сползаться к этому месту, если здесь не навести порядок, — раздражённо бросил он.

Он отвернулся от Элины и снова уставился на меня.

— Я пришёл сюда, чтобы исполнить условия Договора. В нём чётко сказано: если носитель силы умирает, а его наследники не в состоянии поддерживать баланс, земля возвращается ко мне. А всё, что на ней стоит, подлежит очищению, — продолжил он с холодной уверенностью.

— Очищению? — переспросила я, чувствуя, как по спине ползёт холодный пот.

— Да, — кивнул он. — Огнём.

Огнём?! Он что, собирается нас сжечь?! Вместе с этим домом?!

— Но это наше наследство! У нас есть документ! — запротестовала я. — От нотариуса!

Он рассмеялся. Тихим, холодным смехом, от которого у меня волосы на затылке встали дыбом. — Ваши человеческие бумажки не имеют никакой силы по сравнению с Договором, скреплённым кровью и магией. Я мог бы сжечь это место прямо сейчас. Но... — Он сделал паузу. — Договор даёт наследникам право попытаться.

Он подошёл ко мне почти вплотную. От него пахло озоном, грозой и ещё чем-то древним, как сама земля. Я была вынуждена задрать голову, чтобы смотреть в его нечеловеческие глаза.

— Я даю вам срок. Три луны. До летнего солнцестояния: сегодня весеннее равноденствие. За это время вы должны восстановить магический баланс этой фермы. Усмирить дикую магию, очистить землю, заставить источник снова работать правильно, — произнёс он, глядя на меня без малейшего сомнения.

— Но... как?! — выдохнула я. — Я ничего не умею! Я не ведьма!

— Это твои проблемы, — отрезал он. — Изучай записи своей прабабки, если найдёшь их в этом хламе. Молись своим богам. Делай что хочешь. Но если к солнцестоянию это место не перестанет быть язвой, я вернусь. И тогда меня уже ничто не остановит.

Он смотрел на меня так, будто уже видел пепел на месте этого дома. Он был абсолютно уверен в моей неудаче. Он просто выполнял формальность.

— У тебя всё, человечка? — спросил он, видя моё ошарашенное молчание. — У меня есть и другие дела, кроме как инспектировать гниющие развалины.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и пошёл к выходу. Я смотрела ему в спину, и страх во мне начал сменяться чем-то другим. Злостью. Обидой. Упрямством.

Ах ты... ящер перегретый! Пришёл, напугал, ультиматум поставил и уходит!

Он остановился на пороге и, не оборачиваясь, бросил: — И мой тебе совет. Заделай дверь получше. Скоро сюда потянутся те, кто любит питаться чужим страхом и отчаянием. А у вас тут этого добра в избытке.

И он вышел. Я бросилась к двери. На улице никого не было. Он просто исчез. Растворился в тумане, оставив после себя лишь запах грозы и ощущение тотальной катастрофы.

Я прислонилась к двери, и ноги меня больше не держали. Я сползла на грязный пол.

Итак, подведём итоги. Я в другом мире. В чужом теле. У меня на руках маленькая сестра. Мы живём в проклятом доме, который разваливается на части. Вокруг нас растения-мутанты и, возможно, скоро появятся монстры. И вишенка на торте: у нас есть дракон-домовладелец, который дал нам три месяца на капитальный магический ремонт, после чего обещал устроить нам всем кремацию.

Я должна была бы плакать. Биться в истерике. Но я почему-то рассмеялась. Тихим, злым, срывающимся смехом.

Элина осторожно выглянула из-за шкафа. — Он ушёл?

— Да, Лина, ушёл, — ответила я, вытирая слёзы смеха. — Наш арендодатель. Заходил проверить счётчики.

Я встала. Подошла к сестре и обняла её.

— Значит, так, — сказала я твёрдо. — План меняется. Теперь у нас есть дедлайн.

Я посмотрела на хаос вокруг. На грязь, на разруху. На наш несчастный завернутый в мешковину корень у кухонной двери.

Сжечь? Мою собственность?! — мысленно обратилась я к исчезнувшему визитёру. — Ну, держись, ящер. Ты ещё не знаешь, на что способна женщина из Екатеринбурга, у которой за плечами ипотека, три проверки из ОБЭП и опыт работы с самыми невменяемыми подрядчиками. Мы тут такой капитальный ремонт забабахаем, с таким благоустройством и ландшафтным дизайном, что ты свою землю не узнаешь! Конкурс на лучшую клумбу района выиграем! Ты у меня ещё за разрешением на пролёт над моей территорией в очередь стоять будешь!

Война была объявлена. И я не собиралась её проигрывать.

Глава 6

Запах грозы понемногу выветривался, но голос незваного гостя всё ещё звучал у меня в голове. Я выпустила Элину из объятий и попыталась дышать ровнее.

Дракон. Настоящий, живой (ну, в человеческом обличье) дракон. Который является нашим домовладельцем. И который собирается устроить нам огненный армагеддон, если мы не выполним его... кхм... техническое задание.

Три луны. Восстановить магический баланс.

Так, спокойно, Алина. Я мысленно сделала себе строгий выговор. Без паники. Ты же руководитель проекта. Любую, даже самую безумную задачу можно разложить на подпункты.

Я поднялась с пола, отряхнула с себя пыль веков и огляделась. Элина смотрела на меня с таким ужасом и надеждой одновременно, что у меня не было права на слабость.

— Лина, — позвала я, присев перед сестрой и стараясь придать голосу уверенности. — Сначала укрепим дверь. Потом поищем записи прабабки. Он ведь сам сказал, что там может быть объяснение.

Вру, конечно. Я в этом как рыба, которую выбросило на берег, и она судорожно пытается дышать.

— Что... что мы будем делать? — прошептала Элина.

— Разберёмся по порядку, — пообещала я, пряча дрожащие ладони за спину. — Всё сразу нам не осилить.

Я начала загибать пальцы, чумазы и в занозах.

— Внизу дверь крепче, но щели слишком большие, — сказала я, нахмурившись и прикидывая работу. — Заложим их. А на ночь будем придвигать стол.

— А потом найдём книгу? — Элина оживилась и выпрямилась. — Я могу искать в маленьких щелях.

— Можешь, — согласилась я с невольной улыбкой. — Только ничего незнакомого не трогай голыми руками. Сначала покажи мне.

От простых, выполнимых задач становилось легче. Паника отступала, и я снова могла думать.

Элина серьёзно кивнула и крепче взяла меня за руку. Этого согласия мне сейчас было достаточно.

И мы принялись за дело. В спальне нас защищал лишь трухлявый шкаф; теперь нужно было укрепить вход в дом. Сейчас, после визита Золотоглазого, я понимала, что нам нужно что-то посерьёзнее. Мы вдвоём, пыхтя и надрываясь, подтащили к двери останки огромного дубового стола. Он был неподъёмным, но страх — отличный допинг. Потом я нашла в камине несколько тяжёлых камней и завалила ими щели.

«Заделай дверь получше», — мысленно передразнила я дракона. — «Легко тебе говорить, ящер! Ты бы хоть гвоздь оставил, спонсор ты наш! Или бригаду таджиков прислал! Хотя нет, таджиков жалко, они бы тут с ума сошли».

Через час работы, грязные, потные и уставшие, мы стояли перед нашим творением. Дверь теперь была забаррикадирована так, что открыть её изнутри было почти так же сложно, как и снаружи. Но это давало иллюзию безопасности.

— Отлично, — сказала я, вытирая со лба пот. — Теперь пункт второй. Инвентаризация. Ищем инструкцию!

И мы начали обыск. Тотальный. Это было похоже на попытку найти иголку в стоге сена, который перед этим подожгли, потушили и оставили гнить на сто лет. Мы перерыли всё. Начали с комнат наверху. Поднимали каждую тряпку, заглядывали в каждую щель. Находки были... специфическими.

В старом шкафу мы нашли коллекцию засушенных летучих мышей. В сундуке под кроватью — баночки с чем-то, что подозрительно напоминало маринованные глаза. Я чуть не лишилась остатков вчерашнего хлеба.

— Это для зелий, наверное, — спокойно прокомментировала Элина, с интересом разглядывая баночку.

Господи, ребёнок, откуда ты такая невозмутимая?!

Мы спустились вниз и принялись за кухню. Вот где был настоящий портал в ад. В котлах действительно была не просто плесень, а какая-то разумная субстанция, которая недовольно зашипела, когда я попыталась заглянуть внутрь. На полках стояли мешочки с травами. Я открыла один, понюхала и оглушительно чихнула фиолетовым дымом.

— Будь здорова! — сказала Элина.

Я вытерла фиолетовые сопли и решила больше ничего не нюхать.

Книг не было. Никаких свитков. Ничего, что напоминало бы «записи». Я уже начала отчаиваться. Может, дракон пошутил? Или записи сгнили давным-давно?

Мы сидели посреди этого хаоса, уставшие и разочарованные.

— Может, она их спрятала? — вдруг сказала Элина. — Прабабка была очень... осторожной. Так говорила мама.

— Спрятала? Но где? — Я обвела взглядом комнату.

Элина встала и подошла к огромному камину. Он был завален мусором и сажей. Она потрогала один из камней в его основании.

— Этот шатается, — сказала она с робкой надеждой и оглянулась на меня.

Я подошла. И правда, один из камней в кладке сидел не так плотно, как остальные. Я поддела его кочергой. Он поддался. С трудом, отваливая куски раствора, я вытащила его.

За камнем была ниша. А в нише, завернутый в промасленную ткань, лежал... он. Дневник.

Небольшая книга в толстом кожаном переплёте, с пожелтевшими, но на удивление целыми страницами. Я с трепетом взяла её в руки. Это была она. Инструкция. Наш единственный шанс.

Мы сели на пол, и я открыла первую страницу.

Страницы были исписаны мелким, убогим, но на удивление разборчивым почерком. Текст был на местном языке, который я, к счастью, понимала благодаря памяти Эллары. Но он был полон странных терминов.

«...лунный терновник цветёт лишь при свете полной луны. Корень его ядовит, но настойка из лепестков умиротворяет водяных духов...» «...крапива-хватайка боится железа и теряет жгучесть от сладких песен. Если спеть ей колыбельную, она на время становится шёлковой...» «...корень-пискун. Глупое, но полезное создание. Любит тепло и ласку. Если согреть его в руках, перестаёт пищать и становится сладким, как мёд...»

Я читала, и у меня волосы шевелились на голове. Это был не просто дневник. Это был учебник по выживанию в этом безумном мире! Прабабка Изольда была не просто ведьмой, она была гениальным агрономом-магом! Она не боролась с этими тварями-растениями. Она их... приручала. Использовала.

— Смотри! — Я ткнула пальцем в одну из записей. — Про крапиву! Ту, что во дворе! «Теряет жгучесть от сладких песен... если спеть ей колыбельную...» Лина! Это же про тебя! Ты же пела колыбельную!

Элина посмотрела на меня своими огромными глазами.

— Давай попробуем! — загорелась я. — Прямо сейчас!

Страх и усталость испарились, уступив место азарту первооткрывателя. Отодвинув стол от входа, мы вышли во двор. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в драматичные оранжево-фиолетовые цвета.

Вот она, наша подопытная. Огромная, выше меня ростом, стена из крапивы, которая преграждала путь к сараю. Она угрожающе шевелила своими зазубренными листьями.

— Так, — прошептала я, заглядывая в дневник. — Сладкие песни. Колыбельные. Лина, давай. Твой звёздный час.

Элина немного смушалась, но, видя мой горящий взгляд, глубоко вздохнула и запела. Ту же самую простую колыбельную, что и у колодца. Её тоненький, чистый голосок полился в вечернем воздухе.

И произошло чудо.

Крапива замерла. Перестала шевелиться. А потом, медленно, очень медленно, её жгучие листья начали сворачиваться, а острые шипы — втягиваться внутрь стеблей. Через минуту перед нами стояла не агрессивная хищная тварь, а просто стена из гладких зелёных стеблей, покрытых мягким, как бархат, пушком.

Я с недоверием протянула руку и дотронулась до стебля. Он был тёплым и гладким. Не жалил.

— Получилось... — выдохнула я. — У нас получилось!

Я подхватила Элину и закружила её. Она смеялась. И я смеялась вместе с ней. Это была наша первая настоящая победа. Не от безысходности, а по плану. Мы не просто выживали. Мы начали действовать.

Я опустила сестру на землю и посмотрела на усмирённую крапиву. Потом на дневник в моих руках. Потом на сестру, мою маленькую волшебницу.

Страх никуда не делся. Он всё так же сидел внутри, холодным комком. Но теперь рядом с ним появилось что-то ещё. Упрямая, злая, весёлая уверенность.

Ну что, ящер, — мысленно обратилась я к нашему золотоглазому домовладельцу. — Думал, мы будем сидеть и плакать? А вот и нет. У нас есть инструкция по эксплуатации твоего «баланса». И у меня есть ключ к этой инструкции. Техническое задание получено. Сроки установлены. Приступаем к выполнению проектно-изыскательских работ.

Впереди было три месяца ада. Но теперь я знала, что у нас есть шанс. И я за него буду грызться зубами.

Глава 7

Эйфория.

Элина всё ещё смеялась, держась за мой рукав. Я переводила дух и смотрела на присмиревшие заросли. Вот она, первая проверенная строчка из дневника. Если верна эта, могут сработать и остальные.

А потом мой желудок издал такой громкий и жалобный стон, что, кажется, его услышали даже на том свете.

Эйфория схлынула, уступив место суровой прозе жизни. Мы победили крапиву. Шикарно. Но крапивой сыт не будешь. У нас всё ещё не было нормальной еды, кроме одного-единственного корня-пискуна. У нас была мутная вода, которую пить без кипячения было равносильно самоубийству. А для кипячения нужен был... огонь.

И тут я поняла, что наша маленькая победа была лишь моральной. Практической пользы от неё — ноль.

Отлично, Алина! — съязвил мой внутренний голос. — Ты можешь дирижировать хором из сорняков, но при этом вы обе рискуете умереть от дизентерии, потому что не можете зажечь, чёрт побери, обычную палку! Фееричный финал для попаданки!

Солнце стремительно садилось, и вместе с ним таяли остатки моей храбрости. Ночь в этом месте была временем страха, а провести её ещё и голодными... Нет. Этого я допустить не могла.

— Так, волшебница моя, — сказала я Элине, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. — Наша следующая миссия — операция «Прометей». Нам нужен огонь.

Мы вернулись в нашу «крепость». Я снова завалила дверь столом и камнями. Стало немного спокойнее. Драгоценный дневник прабабки лежал на досках кровати, как священный артефакт. Это была наша единственная надежда.

— Давай посмотрим, что наша гениальная родственница писала про добычу огня, — пробормотала я, усаживаясь рядом с Элиной и открывая книгу.

Мы начали листать страницы, исписанные её убористым почерком. Я читала вслух, а Элина, прижавшись ко мне, внимательно слушала. Сколько же всего знала эта женщина! Рецепты мазей от ожогов, способы очистки воды с помощью серебряных камней, лунный календарь для посадки грибов, которые светятся в темноте...

Я читала и чувствовала, как растёт моё уважение к этой Изольде. Она не была какой-то сумасшедшей ведьмой. Она была учёным! Экспериментатором! Она подходила к магии так, как я подходила к проектированию парка — системно, логично, изучая свойства каждого «материала».

И вот, наконец, я нашла то, что искала. Раздел «Искры и пламя».

«...простейший способ добыть огонь — использовать искроцвет. Сухие его лепестки вспыхивают от малейшего нажима. Но растёт он лишь на южных склонах Драконьих гор...» Мимо. У нас тут не Драконьи горы, а дракон собственной персоной, и он не выглядит так, будто готов поделиться цветочками.

«...можно использовать кремень и кресало, но для воспламенения трута требуется вложить в удар частицу своей воли...» Воли у меня хоть отбавляй, а вот кремня и кресала нет. Снова мимо.

Я листала дальше, и моё сердце сжималось от разочарования. Все способы требовали либо редких ингредиентов, либо специальных инструментов.

И тут я наткнулась на одну интересную запись, обведённую в рамочку.

«Пламенный мох. Растёт в очагах, где часто горел огонь. Сам по себе инертен. Но является прекрасным проводником для чистой магической энергии. Не требует ритуалов. Лишь прямого волевого импульса. Сосредоточься. Почувствуй. Прикажи».

А ниже приписка, сделанная, кажется, позже, тем же почерком, но более торопливо: «Дар крови двойственен. Младшая кровь — сочувствующая, она может успокоить, уговорить, спеть песню дикому зверю или растению. Старшая кровь — структурирующая. Она не просит. Она видит суть и строит, повелевает, создаёт и разрушает. Усмирение — удел младших. Созидание — право старших».

Я замерла. Младшая кровь. Старшая кровь. Элина — моя младшая сестра. Она поёт колыбельные и успокаивает. Значит, она — младшая кровь. А я... я — старшая. Но я же не родная сестра Элины! Я вообще из другого мира! Хотя... я в её теле. В теле старшей сестры.

— Что это значит? — спросила Элина, показывая пальчиком на запись.

— Это значит, — медленно произнесла я, и у меня от волнения пересохло во рту, — что, возможно, у нас есть шанс.

Я вспомнила про огромный камин внизу. Очаг, где часто горел огонь. Может, там есть этот мох?

— Сиди здесь, — приказала я сестре и, схватив кочергу, бросилась вниз.

Камин был чёрным, жутким и вонял старой сажей. Я бесстрашно залезла внутрь, разгребая кочергой мусор. И я его нашла! В одной из трещин между камнями рос пучок чего-то, похожего на сухой, рыжеватый мох. Я осторожно отковыряла небольшой кусочек и с победным видом вернулась наверх.

— Вот! — Я показала свой трофей Элине. — Кажется, это оно.

Я положила сухой мох на плоский камень, подальше от кровати. — Так, что там было написано? «Сосредоточься. Почувствуй. Прикажи».

Ну, шикарно. Инструкция — проще не придумаешь. Для огня нужен встроенный Зевс, а у меня в комплекте только диплом о высшем образовании и ипотека.

Но делать было нечего. Я села на пол, уставилась на пучок мха и попыталась «сосредоточиться». Я представляла себе огонь. Яркий, горячий. Я вспоминала, как зажигала газовую конфорку у себя на кухне в Екатеринбурге. Я пыталась «приказать» мху загореться.

Ничего. Абсолютно. Мох лежал на полу и, кажется, насмехался надо мной.

— Не получается, — в отчаянии пробормотала я. — Наверное, это должна была делать Элара. Настоящая Элара. А я просто... пустышка.

Я сидела, понунив голову, готовая разреветься от бессилия.

И тут я решила на последнюю, отчаянную попытку. Я закрыла глаза. И перестала пытаться колдовать. Я просто... посмотрела. Не глазами. А как-то иначе. Умом. Я представила этот мох не как пучок травы. Я представила его как... проект. Как систему.

И в этот момент произошло нечто невероятное.

Темнота за моими закрытыми веками взорвалась. Но не светом. А... схемами. Я увидела мох так, как видела чертежи в Автокаде. Он состоял из мириад тонких, светящихся линий, переплетённых в сложную структуру. Внутри этой структуры были узлы — скопления спящей энергии. Я видела, как эти линии соединяются, как энергия может течь от одного узла к другому.

Это была не магия в сказочном понимании. Это была физика! Химия! Инженерная система!

Господи... это же... это же блок-схема! Входные данные, процесс, результат!

Я видела, что для запуска процесса, для высвобождения энергии, нужно было не «пожелать» или «почувствовать». Нужно было дать чёткую, системную команду. Замкнуть определённые «контакты» в этой схеме. Перенаправить потоки.

Мой мозг, привыкший к логике, к структурам и планам, взревел от восторга. Я поняла!

Не открывая глаз, я мысленно дала команду. Не «гори!», а «входной узел А-7 соединить с узлом Б-12, высвободить латентную энергию по вектору С». Это было так же просто и естественно, как составить смету.

И мох вспыхнул.

Да не просто вспыхнул! Он взорвался столбом чистого, белого, почти бездымного пламени высотой в полметра. Пламя было таким ярким, что осветило всю комнату, и таким горячим, что я отшатнулась, едва не опалив себе брови.

Я в шоке уставилась на огонь. Он не чадил. Он горел ровно, спокойно и очень жарко.

— Эли... — прошептала Элина, глядя на меня широко раскрытыми глазами. — У тебя тоже есть магия. Только она другая. Громкая.

Я посмотрела на свои руки. Потом на огонь. Потом снова на руки.

Магия. У меня. У Алины Соколовой. И она была не такой, как у сестры. Элина — музыкант, она уговаривает мир своей песней. А я... я, кажется, инженер. Архитектор. Я вижу структуру мира и могу её менять. И эта мысль была такой ошеломляющей, такой пьянящей, что я снова рассмеялась.

На этот раз это был смех не отчаяния, а чистого, безудержного восторга.

Оставлять открытое пламя в спальне я не рискнула: погасила его, разорвав найденный контур, и разожгла новый пучок мха в расчищенной части кухонной печи. Среди старой посуды нашёлся небольшой котелок без сквозных трещин. Я отскребла его, тщательно промыла и вскипятила воду. Это была самая вкусная вода в моей жизни. Потом на нагретом плоском камне мы запекли корень-пискун. Он пах картошкой и чем-то сладким, ореховым. Мы разделили его пополам. Настоящий пир после всех наших мытарств.

Мы сидели у кухонной печи, за забаррикадированной входной дверью, сытые и в тепле. Впервые за всё это время я почувствовала себя не жертвой, а... хозяйкой положения.

Когда Элина уснула, убаюканная теплом, я снова взяла в руки дневник прабабки. Но теперь я смотрела на него совсем другими глазами. Это была не книга заклинаний. Это был учебник. Техническая документация. Сборник чертежей и схем.

Я открыла страницу с описанием магического баланса фермы. Раньше это были просто слова. Теперь я видела за ними структуру. «Источник», «силовые линии», «узлы стабилизации»... Это была сломанная, разбалансированная система, которую нужно было починить. Отремонтировать. Провести полную реконструкцию.

Хорошо, Чешуйчатый, — мысленно усмехнулась я, глядя в пляшущее пламя. — Ультиматум принят. Только ты немного просчитался. Ты думал, что оставил здесь двух беспомощных девочек. А ты оставил здесь инженера с доступом к админке и маленькую фею, которая может уговорить систему не сопротивляться. Теперь у меня есть не только техническое задание, но и инструменты для его выполнения. Реконструкция начинается. И горе тому, кто встанет у меня на пути.

Перед сном я перенесла немного пламенного мха в целый глиняный горшок и поставила на каменную плиту у стены спальни. Слабое бездымное пламя грело комнату. Огонь весело потрескивал, словно соглашаясь со мной. И я знала, что завтрашний день будет началом чего-то совершенно нового. Началом нашей войны за этот дом. И мы в ней обязательно победим.

Глава 8

Ночь прошла на удивление спокойно. Наверное, визит нашего чешуйчатого «арендателя» распугал всю местную нечисть. А может, всё дело было в маленьком, но упрямом огоньке, который тлел в глиняном горшке до утра. Он горел без дыма, давал много тепла и, что самое главное, разгонял мрак. Он был моим личным, карманным солнцем. Моим доказательством, что я — не просто жертва обстоятельств.

Я проснулась до рассвета, выпавшаяся и полная решимости. Вчерашний страх никуда не делся, но теперь он был не парализующим ужасом, а злым, холодным топливом. Я посмотрела на спящую Элину, на наш убогий быт, и во мне проснулся не просто комендант общежития. Во мне проснулся менеджер проектов в разгар дедлайна.

Итак, Алина Викторовна, — мысленно обратилась я к себе, — проведём утреннюю планёрку. Задача «Огонь» выполнена. Статус: «Завершено». Задача «Еда» выполнена частично, ресурс нестабилен. Статус: «В работе». Следующая по приоритету задача — «Водоснабжение». Кипячёная вода в котелке почти закончилась. Нам нужен постоянный, надёжный источник. А это значит...

Я покосилась в сторону двери. Это значило, что нам снова придётся иметь дело с тем адским колодезем.

Я взяла дневник прабабки. Это была наша библия, наш устав и наш единственный СНиП. Я быстро нашла нужный раздел.

«Источник Жизни (колодец). Важнейший узел фермы. Питается от жилы чистого водного элемента. Дух воды по имени...» — здесь я споткнулась о закорючистое имя, похожее на «Хлюп» или «Бульк», и продолжила: «...капризен, как дитя. Не выносит грязи, пренебрежения и громких криков. Обидевшись, портит воду, превращая её в ядовитую слизь. Любит чистоту, блестящие вещицы и тихие, мелодичные песни. Чтобы задобрить его, нужно очистить колодец от скверны, сделать подношение (что-нибудь блестящее, камушек или осколок стекла) и спеть ему песню. Лишь тогда он откроет жилу и даст чистую воду».

Я захлопнула книгу. План действий был ясен, как день. И он мне нравился. Он был логичным.

Когда Элина проснулась, я уже была во всеоружии, размахивая кочергой и раздавая указания.

— Подъём, моя маленькая дриада! Нас ждут великие дела! Сегодня мы будем проводить переговоры с местным Водоканалом в лице одного очень обидчивого духа! — объявила я с нарочитой бодростью.

Операция «Чистая вода» началась. Первым делом — уборка территории. Субботник! Я всегда ненавидела субботники в администрации, когда нас, офисных работников, выгоняли с граблями в парк. Но сейчас я была готова работать граблями, кочергой, голыми руками — чем угодно!

Мы вышли на улицу. Территория вокруг колодца была похожа на поле боя. Бурьян, мусор, какие-то склизкие комки, которые я даже не хотела идентифицировать.

— Так, Лина, твоя задача — музыкальное сопровождение, — скомандовала я. — Пой этим сорнякам, пусть они ведут себя прилично и не пытаются меня сожрать, пока я работаю.

И работа закипела. Элина тихонько напевала свои мелодии, и растения-мутанты действительно вели себя смирно. Крапива-хватайка втягивала шипы, а лопухи-душителы переставали угрожающе раскачиваться. А я... я работала. Я выдирала сорняки, оттаскивала камни, выгребала мусор кочергой и кусками досок. Тело Эллары было слабым, оно ныло и протестовало. Через час я была мокрая от пота, грязная с ног до головы, а руки горели от заноз. Но я смот-

рела на маленький, расчищенный пяточок земли вокруг колодца и чувствовала дикую, первобытную гордость.

Вот так вот, Тамара Игоревна, — мысленно обратилась я к своей бывшей начальнице. — А вы говорили, что от меня толку, как от козла молока, если дело доходит до физической работы! Посмотрела бы я на вас здесь!

Следующий этап — подношение. «Блестящая вещьца». Да где ж её взять?! У нас не было ничего, кроме тряпья и узелка.

— Лина, нам нужно что-то блестящее, — сказала я, осматриваясь в поисках сокровищ.

Мы снова перерыли весь дом. И в комнате с разбитым зеркалом, под грудой мусора, Элина нашла его. Маленький, с мой ноготь, осколок зеркала. Он был неровным, но на солнце он давал яркий, весёлый блик.

— Подойдёт? — с надеждой спросила она.

— Ещё как! — воскликнула я. — Это не просто осколок, это — концентрированный солнечный свет! Духу понравится.

Мы вернулись к колодцу. Расчищенная площадка выглядела почти цивилизованно. Я взяла в руки зеркальный осколок. Он казался тёплым.

— Ну, с богом, — пробормотала я и бросила его в снова почерневшую воду: вчерашнее улучшение оказалось временным.

Осколок исчез с тихим «плюхом». Ничего не произошло.

— Теперь ты, — кивнула я сестре.

Элина подошла к самому краю, глубоко вздохнула и снова запела свою колыбельную. Её голосок был тонким, но он, казалось, проникал в самую суть этого места.

А я... я закрыла глаза и посмотрела.

Внутренним зрением. И я снова увидела мир как сложную схему. Колодец был не просто дырой в земле. Это был узел, центр сложной системы светящихся линий, уходящих глубоко под землю. Но сейчас эта система была больна. Линии были тусклыми, перекрученными, забитыми какими-то тёмными, колючими сгустками, похожими на ежик из проволоки. Это и была «скверна», «обида» духа. А в самом центре, в глубине, тускло пульсировало нечто, похожее на сердце. Это и был элементаль. Хлюп, или как там его.

И я увидела, как песня Элины действует на эту систему. Её голос был как... растворитель. Как самое лучшее чистящее средство из рекламы. Звуковые волны её песни нежно окутывали тёмные колючие сгустки, и те начинали размягчаться, таять, распадаться на отдельные ниточки и исчезать. Сердце элементаля в глубине начало пульсировать чуть ярче, ровнее.

Песня Элины была подготовкой. Она убирала «грязь». Но сами «трубы» оставались перекрученными и забитыми.

А вот это уже моя работа, — поняла я.

Я сосредоточилась. Я представила себя не человеком, а инженером-гидравликом перед сложной системой труб. Я мысленно протянула к светящимся линиям свои «руки» и начала их распутывать.

Это была невероятно сложная работа. Линии сопротивлялись, пытались снова спутаться в узел. Мне приходилось прилагать огромную умственную силу, чтобы удерживать их, выпрямлять, направлять в нужные каналы. Я чувствовала, как по вискам у меня течёт пот. Голова гудела от напряжения.

«Так, этот поток сюда... этот контур закольцевать... убрать засор вот в этом узле... расширить проход...» — я работала, как с чертежом, выстраивая новую, чистую, логичную схему водоснабжения.

И в какой-то момент я почувствовала, как система поддалась. Что-то щёлкнуло, и по выпрямленным мною каналам хлынул мощный, чистый поток серебристой энергии от сердца элементаля.

Я открыла глаза.

Из колодца донёсся звук, похожий на глубокий, довольный вздох. Чёрная жижа на поверхности забурлила, закрутилась воронкой и ушла куда-то вниз. А на её место из глубины начала подниматься вода.

Чистая. Прозрачная. Сверкающая.

Она пахла озоном, мокрыми камнями и свежестью. Вода поднялась почти до самого края, и в её кристальной глубине я увидела отражение нашего дома и двух ошарашенных девочек.

Я бросилась к ведру, опустила его и вытащила полную, тяжёлую порцию чуда. Мы с Элиной, смеясь, плескали в лицо ледяной, чистой водой, смывая грязь и усталость. Потом я набрала полную чашку и сделала глоток.

Это была не просто вода. Она была... живой. Она наполняла силой, прогоняла усталость. Каждый глоток был как инъекция энергии.

Мы победили. Это была не просто победа. Это был триумф! У нас была вода! Чистая, волшебная вода!

Я сидела на земле у колодца, обессиленная, но абсолютно счастливая. И тут я заметила кое-что ещё. Крапива, которую мы вчера утомили, выглядела... бодрее. Её листья стали сочнее. А рядом с колодцем, на старом, почти засохшем кусте дикой розы, который я даже не заметила во время уборки, проклюнулся новый, крошечный зелёный листочек.

И до меня дошло. Это всё — единая система. Ферма — это живой организм. И мы, починив одну его часть, начали процесс исцеления. Восстановление «магического баланса» — это не какое-то абстрактное колдовство. Это планомерный, систематический ремонт!

Я посмотрела на наш разрушенный дом. На сад-джунгли. На развалившийся сарай. Фронт работ был колоссальным. Меня должна была охватить паника от масштаба задачи.

Но вместо этого я почувствовала азарт.

Хорошо, — подумала я, глядя на наш маленький оазис чистоты вокруг колодца. — Один узел системы стабилизирован. Осталось... девяносто девять. Пора составлять диаграмму Ганта и писать техническое задание на следующий этап.

Я посмотрела на дикий огород.

Ну, морковки-пискуны и капуста-кусаки, держитесь. Завтра главный агроном-проектировщик придёт к вам. Будем налаживать производственные процессы.

Задача всё ещё казалась невыполнимой. Но теперь у меня была методология. И у меня была команда из двух человек. И это всё меняло.

Глава 9

Утро после нашего триумфа с колодцем было другим. Я проснулась не от холода или страха, а от настойчивого солнечного луча, который пробился сквозь щель в заколоченном окне и нагло светил мне прямо в глаз. В воздухе пахло не только пылью, но и свежестью чистой воды. Наш маленький огонь в глиняном горшке почти догорел, оставив после себя горстку тёплого пепла. Это была наша первая по-настоящему мирная ночь.

Я посмотрела на Элину. Она спала, улыбаясь во сне. Кажется, впервые за всё время. А я... я чувствовала себя так, будто всю ночь не спала, а сидела на совещании по госзакупкам. Голова гудела от планов, идей и схем.

Вчера мы получили воду. Сегодня нам нужна еда. Постоянный источник. А это значит — огород. Тот самый, который больше похож на съёмочную площадку фильма ужасов.

— Подъём, моя маленькая повелительница флоры! — весело растолкала я сестру. — Нас ждёт новый проект! Обеспечение продовольственной безопасности отдельно взятого фермерского хозяйства!

За завтраком из чистой воды и ещё одного корня-пискуна, который мы вчера выкопали и запекли, я разложила на полу наш главный стратегический документ — дневник прабабки Изольды.

— Так, давай изучать наших... контрагентов, — пробормотала я, листая страницы. — С кем нам сегодня предстоит вести переговоры?

Раздел «Садоводство и огородничество» был самым обширным. И самым безумным.

«Капуста-кусака. Глупа, агрессивна, обладает коллективным разумом улья. Охраняет свою грядку, как цепной пёс. При попытке сорвать кочан, кусается. Больно. Но сердцевина кочана слаще сахара. Ключ к умирению: не любит одиночества. Если успокоить вожака стаи (самый крупный кочан в центре грядки), остальные подчинятся. Реагирует на почёсывание основания стебля, начинает мурлыкать».

Капуста, которая мурлычет? Что ты курила, прабабка?!

«Картофель-бродяга. Крайне нервное и пугливое создание. При попытке выкопать, клубни немедленно уползают вглубь земли. Невозможно поймать силой. Но крайне любопытен. Обожает загадки. Если отвлечь его сложной логической задачкой, он замирает в раздумьях, и его можно спокойно собрать».

Картошка, с которой нужно играть в «Что? Где? Когда?»? Да я в своей жизни столько загадок не знаю!

«Лук-плакун. Самое коварное растение. При разрезании выделяет газ, вызывающий не просто слёзы, а глубокую, экзистенциальную тоску и воспоминания о всех неудачах в жизни. Собирать его можно лишь в состоянии полного душевного подъёма, напевая самую весёлую и дурацкую песню, какую только знаешь. Иначе горечь лука будет невыносимой».

Отлично. Чтобы приготовить суп, мне нужно сначала стать стендап-комиком. Шикарный план.

— Ладно, — решила я. — Начнём с самого агрессивного. С капусты. Если мы справимся с ней, остальное покажется детским садом.

План был прост, как схема эвакуации: Элина своим пением создаёт «шумовую завесу», успокаивая всю грядку. Я в это время, используя свою структурную магию, нахожу «вожака» и пытаюсь перепрограммировать его с режима «Охранять и кусать» на режим «Лежать и мурлыкать».

Мы вышли во двор, вооружённые знаниями и отвагой (в основном, моей, потому что Элина просто доверчиво шла за мной).

Капустная грядка была похожа на засаду. Десятки крупных, мясистых кочанов с зазубренными листьями, похожими на зубастые пасти, угрожающе колыхались на ветру. Когда мы подошли ближе, они все как по команде повернулись в нашу сторону, и я услышала тихое, угрожающее клацанье.

— Так, Лина, давай, твой выход! — прошептала я. — Задави их интеллектом! То есть, песней!

Элина глубоко вздохнула и запела. Не колыбельную. А какую-то простенькую, весёлую детскую песенку, которую, видимо, помнила с тех времён, когда её жизнь ещё не превратилась в ад.

Клацанье прекратилось. Капуста замерла, с любопытством «прислушиваясь». Но напряжение никуда не делось. Они были как пружины, готовые в любой момент распрямиться.

— Отлично, — прошептала я. — Держи их. Я вхожу.

Я закрыла глаза и посмотрела. Капустное поле предстало передо мной как сложная нейросеть. Каждый кочан был узлом, соединённым с другими светящимися нитями корневой системы. По этой сети бегали красные, злые импульсы — «Тревога!», «Чужак!», «Оборона!». Песня Элины окутывала эту сеть голубоватой дымкой, успокаивая импульсы, но не меняя их сути.

Я нашла его. В самом центре грядки был самый большой узел, от которого во все стороны расходились самые толстые «кабели». Вожак. Альфа-капуста.

Я сосредоточилась на этом узле. Ломать его было нельзя: погибнет вожак, а за ним, возможно, и вся грядка. Я искала место, где корни передавали сигнал тревоги, и пробовала заменить его знакомым ощущением: здесь свои, защищаться не нужно.

Это было невероятно сложно. Система сопротивлялась. Вожак посылал по сети волны красной тревоги. Но я была настойчива. Я, Алина Соколова, которая согласовывала проекты через семь кругов ада бюрократии, я не сдамся какой-то капусте! Я вливала в этот узел всю свою волю, всю свою упёртость, всю свою логику.

И в какой-то момент я почувствовала, как он поддался. Что-то щёлкнуло. Красные импульсы в сети дрогнули, поменяли цвет на тёплый, зелёный и полились по корням уже с новой командой: «Свои», «Мир», «Почесать за кочерыжкой».

Я открыла глаза.

Вся грядка расслабленно покачивала листьями. Некоторые кочаны даже издавали звук, отдалённо похожий на мурлыканье.

— Получилось, — выдохнула я, чувствуя, как по лбу течёт пот.

Я осторожно подошла к вожаку. Он был огромен. Я протянула руку и, следуя инструкции прабабки, почесала его у основания стебля. И он замурлыкал! Громко, утробно, вибрируя всем своим существом. А потом, с тихим щелчком, один из крупных боковых кочанов отделился от общей корневой шейки и упал мне в руки.

— Есть! — закричала я, поднимая над головой наш трофей. — У нас есть еда!

И в этот самый момент триумфа земля под моими ногами задрожала. Прямо из-под грядки, рядом с альфа-кочаном, с шуршанием открылся люк, замаскированный под кочку. И из этого люка вылезло существо.

Маленькое, ростом мне по колено, коренастое, с огромной седой бородой и очень сердитым лицом. На голове у него был красный колпак, а в руках он сжимал крошечную кирку. Гном. Самый настоящий, классический садовый гном.

— Это что ещё за безобразие?! — проскрипел он голосом, похожим на скрежет камней. — Кто разрешил нарушать почвенный резонанс?! У меня весь урожай светящихся мухоморов сбился с цикла! Вы своей магией всю тонкую настройку поломали!

Я стояла с огромным кочаном в руках и просто моргала.

Замечательно! — подумала я. — Мало мне дракона-арендодателя, теперь у меня ещё и скандальный сосед из ТСЖ в лице гнома! Сейчас он мне счёт за капитальный ремонт подземных коммуникаций выставит!

— Простите, — нашлась я. — Мы не знали, что здесь кто-то живёт. Мы новые хозяйки.

— Хозяйки! — фыркнул гном, которого я про себя тут же окрестила Буркотуном. — Припёрлись тут, магией своей «громкой» швыряются! От неё у моих червяков мигрень! А у дождевых слизней — несварение!

Он потряс своей киркой. — Требую компенсации! За моральный ущерб и потерю урожая!

Компенсации? Чем? Вторым кочаном капусты?

И тут меня осенило. Я вспомнила запись в дневнике, в самом конце раздела про сад: «Корневики (гномы) — народ сварливый, но справедливый. Ценят честную сделку. А больше всего на свете обожают сладкое, особенно карамелизированный сироп из корня-пискуна».

У меня оставался кусочек печёного корня, отложенный после завтрака.

— Уважаемый... э-э-э... господин Корневик! — начала я самым вкрадчивым голосом. — Мы приносим свои глубочайшие извинения за нарушение вашего душевного и почвенного спокойствия. В качестве компенсации позвольте предложить вам... вот это!

Я вытащила из кармана кусочек запечённого корня. Гном подозрительно прищурился, взял у меня из рук подношение, понюхал его, а потом осторожно откусил.

И его лицо изменилось. Глаза округлились, борода перестала топорщиться. Он прожевал, проглотил и издал звук, похожий на восторженное хрюканье.

— Сладость! Истинная сладость! — пропищал он. — Давненько я такого не пробовал, со времён старой Изольды!

Он съел весь кусок и посмотрел на меня уже не так враждебно. — Ладно. На первый раз прощаю. Но чтоб больше без предупреждения своей магией не шумели! Согласовывать надо!

— Обязательно! — заверила я его. — Составим график проведения магических работ!

— То-то же, — проворчал он. — А раз уж вы мой утренний сон нарушили и весь резонанс испортили, держите. Мне он теперь без надобности.

Он полез в свою подземную нору и вытащил оттуда... гриб. Огромный, с большую тарелку, гриб, шляпка которого переливалась мягким, жемчужным светом.

— Светогриб, — буркнул он. — Будет вашу хибару неделю освещать. А теперь всё, у меня дела!

И он скрылся под землёй, захлопнув за собой люк-кочку.

Мы с Элиной остались одни. В руках у меня был гигантский кочан капусты. У её ног лежал огромный светящийся гриб. Мы не только добыли еду. Мы заключили первое дипломатическое соглашение. И получили источник света.

Я посмотрела на наш дом, на сад, на гномий люк. Мой «проект» обрастал новыми деталями и... подрядчиками.

Так, значит, у нас теперь есть не только растения-исполнители, но и субарендаторы-гномы, — с усталой усмешкой подумала я. — Надо будет составить с ним договор о добрососедстве. В двух экземплярах. И выяснить, платят ли они за коммунальные услуги. А то ишь, резонанс им подавай!

День был тяжёлым. Но продуктивным. Очень продуктивным. И я чувствовала, что это только начало.

Глава 10

Следующее утро началось с запаха капустного супа. Да, я сварила суп! Вчера вечером, после нашего триумфального огородно-дипломатического рейда, я, используя наш волшебный огонь и наш очищенный котелок, сотворила нечто съедобное из «замурлыканной» капусты и ещё двух корней-пискунов. Получилось даже вкусно. Мы с Элиной сидели у огня, ели горячую похлёбку и освещали нашу комнату-крепость волшебным грибом от нашего нового ворчливого знакомого. В этот момент я чувствовала себя почти... счастливой. У нас был свет, еда, вода и крыша над головой. По меркам этого мира — почти роскошь.

А утром, когда я проснулась, я поняла, чего нам не хватает для полного счастья.

Чистоты.

Я посмотрела на Элину. Она была всё той же серой мышкой, с чумазыми щеками и спутанными волосами. Потом я посмотрела на свои руки. Грязь под ногтями, вьёвшаяся в кожу. Мои волосы... о, лучше было на них не смотреть. Они напоминали птичье гнездо, в котором сначала жили, а потом умерли несколько поколений ворон. Мы обе были грязными. Наша одежда — две серые, засаленные тряпки — воняла потом, пылью и страхом.

Так, стоп, — сказала я себе. — Мы тут, конечно, строим из себя великих магов, договариваемся с гномами и собираемся бросить вызов дракону. Но выглядим при этом как две бомжихи, которые месяц жили на Казанском вокзале. Непорядок! Какая может быть вера в себя, если от тебя самой разит, как от скунса?

— Лина! — торжественно объявила я, когда мы доели остатки супа. — Сегодня у нас банный день! Операция «Генеральная помывка»!

Сестра посмотрела на меня с недоумением. Баня? Здесь?

— Но у нас же нет... мыла, — тихо сказала она.

— Тогда сварим сами, — ответила я с ободряющей улыбкой и достала дневник прабабки. — У нас есть инструкция! И магия! А значит, у нас будет не просто мыло. У нас будет элитный спа-салон на дому!

Я с азартом принялась листать дневник. И, конечно же, нашла то, что искала. Раздел «Дары чистоты». Прабабка Изольда, при всей своей эксцентричности, явно была женщиной чистоплотной.

Рецепт был похож на зелье из сказки. «Мыльный корень. Растёт в низинах, у воды. При варке даёт густую, плотную пену. Внимание: в чистом виде сушит кожу. Для смягчения добавить настой из озёрной ромашки». «Озёрная ромашка. Ищи там, где поёт вода. Её голубые лепестки нейтрализуют едкость мыльного корня и делают кожу мягкой, как шёлк». «Медовая роса. Сладкий, вязкий сок, который выделяют довольные капусты-кусаки. Придаёт волосам блеск, силу и аромат летнего луга».

— Ты поняла? — Я посмотрела на сестру. — У нас есть всё, что нужно! Это будет не просто мыло. Это будет шампунь, гель для душа и кондиционер в одном флаконе!

Сбор ингредиентов превратился в увлекательный квест. Мыльный корень мы нашли у нашего чистого колодца — он рос там в изобилии. Озёрная ромашка с нежными голубыми лепестками тоже росла у самой воды, словно в благодарность за то, что мы успокоили духа. Самым забавным был сбор медовой росы.

Мы подошли к нашей «прирученной» капустной грядке. Я, как заправский фермер, почесала за кочерыжкой самого крупного «вожака». Он замурлыкал, и на его листьях выступили капельки густого, золотистого сока. Мы аккуратно собрали эту «росу» в нашу единственную чашку.

Процесс варки зелья проходил на кухне. Я развела наш волшебный огонь. В котелке кипела чистейшая вода из колодца. Я чувствовала себя настоящей ведьмой. Или химиком в

лаборатории. Я строго следовала рецепту: сначала проварить корень до густоты, потом добавить цветы ромашки, дать настояться, а в конце, сняв с огня, вмешать медовую росу.

— А теперь, маэстро, ваш выход! — сказала я Элине. — В дневнике сказано: «Чтобы дары смешались воедино, нужна гармония». Пой!

И Элина запела. Её тихий, мелодичный голос окутывал котелок, и густая белая масса внутри, казалось, начала светиться изнутри мягким жемчужным светом. Когда песня закончилась, в котелке было не просто мыло. Это был густой, перламутровый гель, который пах цветами, мёдом и чистым волшебством.

Следующая проблема — ванна. У нас её, естественно, не было. Но в сарае я заприметила огромное деревянное корыто, в котором, наверное, когда-то солили капусту. Оно было грязным и пыльным, но целым. Мы вдвоём, с трудом, притащили его в дом, поставили у камина, вычистили и несколько раз ополоснули.

А потом началось священнодействие. Я грела на огне воду и носила её в корыто. На это ушёл почти час. Но вот, наша импровизированная ванна была полна горячей, чистой, пахнущей свежестью воды.

— Сначала ты, — сказала я Элине.

Я раздела её и опустила в тёплую воду. Она взвизгнула от восторга. Я взяла наше волшебное мыло и начала отмывать с неё грязь, накопившуюся за долгие недели. Это был почти ритуал. Я смывала с неё не только грязь, но и страх, унижение, память о доме дяди. Я промывала её спутанные волосы, и они на глазах превращались из мышиных хвостиков в мягкие, шелковистые русые пряди. Когда я закончила, передо мной сидел не забитый заморыш, а хорошенькая, розовая, чистенькая девочка.

— Теперь ты, — сказала она, когда я закутала её в наше единственное «полотенце» — старую рубаху.

Моя очередь. Погрузиться в горячую воду после всего, что было — это было неземное блаженство. Каждая клеточка моего уставшего тела пела от восторга. Я нанесла на волосы наше медовое чудо-средство. Оно пахло просто божественно. Смыть с себя всю грязь, всю память о чулане, о холоде, о страхе... это было как родиться заново.

Когда мы обе были чистыми, закутанными в наше тряпье, я почувствовала непреодолимое любопытство. Кто я теперь? Как выглядит это тело, когда оно чистое?

Я взяла другой осколок из разбитого зеркала наверху. Он был маленьким, и в нём можно было увидеть лишь часть лица. Я поднесла его к глазам.

И замерла.

Из зеркала на меня смотрела незнакомка.

Я ожидала увидеть бледное, измождённое, ничем не примечательное лицо Эллары, которое я помнила по обрывкам воспоминаний. Но грязь, усталость и вечный страх скрывали... это.

Из осколка на меня смотрел глаз. Огромный, миндалевидный, нереального, глубокого синего цвета, как летнее небо перед грозой. Обрамлённый густыми, тёмными ресницами. Я передвинула осколок. Высокая, чистая линия скулы. Нежный изгиб брови. Прямой, точёный нос.

Я положила осколок на подоконник и подбежала к ведру с чистой водой. Наклонилась над ним. В тёмной, спокойной поверхности, освещённой светом волшебного гриба, отразилось моё лицо. Целиком.

Мама дорогая...

Это было лицо сказочной принцессы. Той, из-за которой начинают войны. Тонкие, аристократические черты, фарфоровая кожа, которая сейчас, после мытья, приобрела нежный румянец. И глаза... Эти синие бездонные озёра. Я потрясла головой. Мои волосы, которые я всегда считала просто русыми, высохнув, рассыпались по плечам тяжёлой волной. Они были

густыми, блестящими и невероятного цвета. Не тёмные и не светлые. Цвет тёмного, густого мёда, который на свету отливал золотом.

Я была... красивой. Нет. Я была ошеломляюще, неправдоподобно красивой.

И это было так странно. Это лицо не было моим. Я, Алина Соколова, была симпатичной, не более. Обычной. А это... это была какая-то эльфийская принцесса.

Отлично, — с иронией подумала я. — Просто замечательно. Мало мне проклятой фермы, дракона-угнетателя и магических способностей. В комплект ко всему этому прилагается ещё и внешность топ-модели. Это уже перебор!

Я села на пол, ошарашенно глядя на своё отражение. Это всё меняло. Внешность — это ресурс. И оружие. И огромная проблема. На такую девушку будут смотреть. Её будут желать. Её будут пытаться использовать.

Последним штрихом нашего банного дня была стирка. Мы вылили грязную воду, натаскали новой, снова нагрели её и замочили в остатках нашего волшебного мыла наши единственные платья. Тереть их руками было тяжело, но мысль о том, что завтра мы наденем чистую одежду, придавала сил.

Вечером мы сидели в нашей комнате, которая теперь была не просто убежищем, а нашим домом. В горшке тихо тлел пламенный мох. В углу сиял наш гриб-ночник. У огня сохла наша одежда. Мы были чистыми, сытыми и в безопасности. Впервые за всё это время я почувствовала что-то похожее на покой.

Я снова посмотрела на своё отражение в ведре. Красивая девушка с медовыми волосами и синими глазами смотрела на меня с решительным, немного удивлённым выражением.

Ладно, Алина-Элара, — подумала я. — Похоже, в твоём арсенале появилось новое оружие. И, судя по законам жанра, там, где есть красивая героиня, скоро появится и... проблема. Или принц. Что, в принципе, часто одно и то же. Надо быть готовой.

Я была уверена, что наш золотоглазый «арендодатель» ещё не видел меня такой. И мне стало чертовски любопытно, какой будет его реакция. Эта мысль была глупой, неуместной и очень, очень волнующей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.